

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 12

декабрь 2021

«Необходимо установить критерии безопасности систем искусственного интеллекта, планируемых к применению в судах, требования к их сертификации и меры ответственности разработчиков этих систем за нарушения прав граждан и организаций»

Орлов А.В. «Организация судебной деятельности в условиях пандемии: итоги и перспективы»

Стр. 46

- Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики
- Инвестиционные споры в российском праве
- Тенденции развития судебной практики по делам, связанным с распространением контрафактной продукции и иными нарушениями исключительных прав
- Высоко нравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика
- Институт миграционной амнистии как один из механизмов регулирования миграционной деятельности в условиях пандемии коронавируса
- Ограничение права собственности в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 12/2021

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Хазиева Е.М. Проблема унификации практики определения размера денежной компенсации морального вреда в порядке реабилитации (часть 2)

7 Михайлова Е.В. Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики

12 Баранов К.Ю. Инвестиционные споры в российском праве (часть 1: Содержание инвестиционных споров)

18 Сухоставец С.В. Тенденции развития судебной практики по делам, связанным с распространением контрафактной продукции и иными нарушениями исключительных прав

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

22 Ковтун Н.Н. Высоко нравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика

31 Сынтин А.В. Некоторые проблемы уголовной ответственности за нарушения антидопинговых правил

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

36 Трифонова (Казарян) К.В. Институт миграционной амнистии как один из механизмов регулирования миграционной деятельности в условиях пандемии коронавируса

41 Лобурев С.Н. Обжалование извещений органов ЗАГС об отказе в совершении регистрационных и иных юридически значимых действий при осуществлении судебного контроля в гражданском и административном судопроизводстве

СУДОПРОИЗВОДСТВО

46 Орлов А.В. Организация судебной деятельности в условиях пандемии: итоги и перспективы

ИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

51 Небрятенко О.О. Ограничение права собственности в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации

Трибуна помощника судьи

56 Артизанов А.И. Влияние принципа процессуальной экономии на реализацию участниками гражданского судопроизводства процессуальных прав

60 Федюнин А.А. Средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении судом вопроса о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство его гражданства

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 08.11.2021.

Дата выхода в свет: 25.11.2021.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 12/2021

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 E.M. Khazieva. The Problem of Unification of the Practice of Determination of the Non-Pecuniary Damages in the Rehabilitation Procedure (Part 2)

7 E.V. Mikhaylova. A Civil Claim in a Criminal Procedure: Issues of the Theory and Practice

12 K.Yu. Baranov. Investment Disputes in Russian Law No. 1: The Content of Investment Disputes

18 S.V. Sukhostavets. Trends in the Development of the Judicial Practice in Cases Involving Distribution of Counterfeit Products and Other Violations of Exclusive Rights

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

22 N.N. Kovtun. Highly Moral Grounds for Rehabilitation in Russian Criminal Proceedings: The Law, Doctrine, Practice

31 A.V. Syntin. Some Problems of the Criminal Liability for Violations of Anti-Doping Rules

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

36 K.V. Trifonova (Kazaryan). The Migration Amnesty Institution as One of Migration Regulation Mechanisms in the Conditions of the Coronavirus Pandemic

41 S.N. Loburev. Appeal of Notifications from Civil Registry Offices about the Refusal to Perform Registration and Other Legally Binding Actions in Carrying out of Judicial Control in Civil and Administrative Proceedings

JUDICIAL PROCEEDINGS

46 A.V. Orlov. Organization of Judicial Activities in the Conditions of the Pandemic: Results and Prospects

FROM THE CONSTITUTIONAL COURT

OF THE RUSSIAN FEDERATION

51 O.O. Nebratenko. Restriction of the Property Right in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

56 A.I. Artizanov. The Impact of the Procedural Economy Principle on the Exercising of Procedural Rights by Parties to Civil Proceedings

60 A.A. Fedyunin. Means of Establishing Circumstances to be Proved in the Judicial Review of the Transfer of a Citizen of a Foreign Country Sentenced to Imprisonment by Court of the Russian Federation to Serve the Sentence to the Country of Citizenship

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press — index 85499,

Russian Post. Digital Catalogue — П1774

and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 08.11.2021.

Edition was published: 25.11.2021.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F.,
Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kuruikina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

Проблема унификации практики определения размера денежной компенсации морального вреда в порядке реабилитации (часть 2)*

Хазиева Елена Минзуфаровна,
судья Свердловского областного суда
elenakhazieva@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме судебной практики определения в порядке гражданского судопроизводства размера денежной компенсации морального вреда реабилитированным гражданам. Во второй части статьи автор перечисляет и иллюстрирует примерами значимые для рассматриваемой категории дел индивидуальные особенности гражданина, называет средства доказывания. Обозначает дополнительно обстоятельства, учитываемые при определении размера компенсации.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, реабилитация, гражданское судопроизводство, судебское усмотрение, средства доказывания.

The Problem of Unification of the Practice of Determination of the Non-Pecuniary Damages in the Rehabilitation Procedure (Part 2)

Elena M. Khazieva
Judge of the Sverdlovsk Regional Court

The article deals with the actual problem of judicial practice of the determining the amount of monetary compensation for moral damage to rehabilitated persons in civil proceedings. In the second part of the article, the author lists and illustrates with examples the individual characteristics of a citizen that are significant for the category of cases under consideration, and names the means of proof. Additionally indicates the circumstances that are taken into account when determining the amount of compensation.

Keywords: compensation for non-pecuniary damage, rehabilitation, civil procedure, judicial discretion, means of proof.

В порядке гражданского судопроизводства базовый гражданско-правовой анализ фактических обстоятельств уголовного преследования и его последствий производится с позиции типичного участника общественных отношений — законопослушного трудоспособного гражданина, для которого возбуждение в его отношении уголовного дела является очевидной психотравмирующей ситуацией. Тогда как «индивидуальные особенности — это признаки, отличающие человека от среднестатистического образца [гражданина] и влияющие на качественные и количественные характеристики его страданий»¹.

По рассматриваемой категории дел юридически значимы следующие индивидуальные особенности гражданина:

- наличие судимости, в том числе погашенной (ранее судимый по схожему преступлению или осужденный к аналогичному виду наказания, по другим вмененным эпизодам);
- гражданское и иное состояние (несовершеннолетний, нетрудоустроенный);
- состояние здоровья человека и влияние на него уголовного преследования (инвалидность или хронические заболевания, их проявления во время уголовного преследования);
- участие в общественной жизни (публичная личность: депутат, член политической партии, председатель профсоюза);
- принадлежность к профессиональным, религиозным, этническим и другим сообществам, формирующим ценностные установки (педагог, врач);
- активное участие в жизни родных и близких (количество иждивенцев,

¹ Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. СПб. : ЮЦ «Пресс», 2005. С. 90.

* Часть 1 опубликована в № 11.

период нахождения на иждивении до задержания, количество свиданий во время отбывания наказания в колонии).

Перечисленные характеристики человека, как отражающие его особое восприятие и направленность деятельности в обществе, оцениваются применительно к обстоятельствам уголовного преследования. Например, к вмененному преступлению (учитель школы обвинялся в совершении над несовершеннолетним насильственных действий сексуального характера), к нарушенному благу (неработающий холостой мужчина, единственный ребенок которого проживает с бывшей супругой в том же городе и не получает алименты, указывал на утрату семьи в период подписки о невыезде и надлежащем поведении), к примененной мере пресечения (инвалид I группы подвергся длительному содержанию под стражей).

Особого внимания заслуживает то, насколько уголовное преследование влияет на дальнейшую жизнь гражданина. Так, повышенная компенсация присуждается несовершеннолетнему, поскольку подобному воздействию он подвергся в наиболее важный для формирования его личности период, что налагает отпечаток на его последующую жизнь. Подобный подход справедлив к случаю полной реабилитации гражданина, впервые обвиненного в преступлении, против случая частичной реабилитации гражданина, чьи другие эпизоды преступлений и так составляли основание для заключения под стражу и последующего осуждения.

Поскольку моральный вред представляет собой личное восприятие гражданином произошедшего, его собственные внутренние переживания, то необходимым доказательством становятся объяснения самого истца, а наиболее актуальным — предусмотренный ч. 1 и 2 ст. 157 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) принцип непосредственного исследования доказательств судом. Следует выяснить: какие именно личные неимущественные права сам гражданин полагает нарушенными; что вызвало у него трудности в адаптации к новым жизненным обстоятельствам; почему гражданин длительное время не обращался за судебной защитой?

Оценивается, насколько подробно, детально и убедительно гражданин вспоминает обстоятельства его преследования, возникший в связи с этим общественный резонанс и т.п. Любое оценочное суждение гражданина должно иметь достаточную фактическую основу, для того чтобы представлять собой добросовестное высказывание².

Требуемое суждение обеспечивается на стадии судебного разбирательства посредством личного участия истца или видео-конференц-связи³. Если истец не желает лично участвовать в процессе, суду целесообразно повторить вызов с разъяснением предусмотренных ч. 1 ст. 56 и ч. 1 ст. 68 ГПК РФ бремени доказывания размера компенсации и последствий отказа от доказывания. Степень перенесенных истцом страданий дополнительно иллюстрируют медицинские документы, бытовые и другие характеристики личности периода уголовного преследования и т.п.

Обозначенный подход к рассматриваемой категории дел определяется объектом охраны — психологическое благополучие гражданина как нематериальное благо, ущемление которого приводит к его нравственным и (или) физическим страданиям (ст. 150, 151, 1099–1101 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) «Компенсация морального вреда»), а не вреду здоровью (ст. 1084–1094 ГК РФ «Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина»).

Уголовное преследование осуществляется в отношении процессуально дееспособного гражданина, поэтому предполагается, что реабилитированный гражданин психически здоров. Поэтому моральный вред определяется из позиции типичного участника общественных отношений (гражданина) с

² Постановление ЕСПЧ от 23 октября 2008 г. по делу «Годлевский (Godlevskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 14888/03) (пункт 47) // Российская хроника Европейского суда. 2009. № 3.

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2016 г. по делу «Евдокимов и другие (Yevdokimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 27236/05, 44223/05 и др.) // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2016). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/?year=2016/>

его негативными эмоциями (страх перед наказанием, стыд ввиду широкого общественного резонанса обвинения, гнев из-за подозрения в преступлении) и дискомфортными ощущениями (нервное напряжение в течение уголовного преследования с проведением множества следственных действий и судебных заседаний). Подобная оценка, согласно п. 2 ст. 1101 ГК РФ, доступна суду без каких-либо специальных познаний в медицине.

Однако при наличии выраженных индивидуально-психологических особенностей гражданина, когда имеются сомнения в его психической полноценности (обращался к врачу-психиатру, признавался негодным к военной службе в связи с психическим расстройством, поясняет о галлюцинациях), может быть поставлен вопрос о назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы, по ее итогам — о компенсации вреда здоровью. По рассматриваемой категории дел физические страдания, составляющие понятие «моральный вред», представляют собой только отклик нормально функционирующей нервной системы человека, когда объектом охраны выступает психологическое благополучие, нарушение которого выражается в дискомфортном состоянии.

Помимо перечисленных фактических обстоятельств незаконного уголовного преследования, при которых причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей реабилитированного гражданина, по рассматриваемой категории гражданских дел подлежат учету следующие дополнительные обстоятельства.

Реабилитация не ограничивается компенсацией морального вреда, а компенсация морального вреда — компенсацией в денежном выражении в порядке гражданского судопроизводства. Так, в силу ст. 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) в порядке уголовного судопроизводства реабилитированному возмещается имущественный вред, включая заработную плату и пенсии, конфискованное имущество, штрафы, процессуальные издержки на адвоката. Среди неденежных форм возмещения морального вреда в аналогичном порядке в ст. 136 УПК РФ названы приносимые

прокурором официальные извинения, сообщение средств массовой информации о реабилитации после публикаций об уголовном преследовании, официальное сообщение об оправдании по адресу работы, учебы или жительства гражданина. Поэтому доводы гражданина о потере заработка, статья в прессе и т.п. в рамках гражданского судопроизводства не составляют самостоятельные основания компенсации, но характеризуют учитываемую степень нравственных страданий от потери прежнего социального статуса.

В пункте 1 ст. 1070 ГК РФ дополнительно к реабилитации («незаконное осуждение» и «незаконное привлечение к уголовной ответственности», когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям) именованы такие самостоятельные основания компенсации, как «незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде». Само по себе наличие названных мер пресечения по уголовному делу, по итогу которого за гражданином признано право на реабилитацию, не свидетельствует о незаконном их применении. Таковые могут быть избраны на должной основе, в том числе поведения самого гражданина во время и после задержания, наличия других эпизодов преступлений. А соответствующее постановление гражданином может и не оспариваться. Однако даже без того, чтобы составить дополнительное основание компенсации, их применение влияет на гражданина, поэтому также подлежит опосредованному учету. Исключение составляет вышеупомянутая частичная реабилитации, когда из обвинения исключен эпизод схожих преступлений, не повлиявший на избрание меры пресечения.

Аналогичный подход к увеличению размера компенсации справедлив для случаев нарушения в ходе уголовного преследования других, помимо права на свободу и личную неприкосновенность, конституционных прав человека и гражданина. Например, незаконный обыск умаляет право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ), незаконное прослушивание телефонных

переговоров — право на тайну переписки (ст. 23 Конституции РФ).

Установления незаконности отдельных процессуальных действий правоохранительных органов, суда и органов уголовно-исполнительной системы в рамках гражданского дела о применении последствий реабилитации не производится. Конституционное право на судебную защиту не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению судебных процедур, особенности которых установлены законами⁴, в частности ч. 1 ст. 22 и п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ, ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства РФ⁵, ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁶. В рамках рассматриваемой категории гражданских дел разрешается спор только о последствиях реабилитации, что ограничивает круг юридически значимых обстоятельств к судебному исследованию согласно ч. 1 и 3 ст. 196 ГПК РФ. К тому же состав деликта п. 1 ст. 1070 ГК РФ является специальным к соста-

ву ст. 1069 ГК РФ, также различаются органы, которые выступают от имени государства. Однако проигнорировать наличие уже установленных фактов нарушения государством прав реабилитированного в итоге гражданина, если такие к компенсации ранее не заявлялись, нельзя.

Наметившийся в настоящее время уклон судебной практики в сторону исключительно ценовой унификации компенсации морального вреда и активной роли суда в опровержении предложенного гражданином размера исковых требований представляется спорным. Обязанность государства обеспечить реализацию права реабилитированного на достойную денежную компенсацию морального вреда не предполагает наделение гражданина правом определять итоговой ее размер. В силу ст. 1101 ГК РФ такое правомочие принадлежит суду как образчику сложившегося в обществе правосознания, который оценивает в соответствии со ст. 67 ГПК РФ представленные ему доказательства на основе внутреннего убеждения. При применении гражданско-правовых норм с оценочными понятиями не стоит задача отыскания единственно законного варианта⁷, — судебное решение доступно к проверке по приведенным в нем мотивам оценки юридически значимых обстоятельств: полноты перечня исследованных фактических обстоятельств, рациональности убеждений в основе выводов. Поэтому унификация судебной практики компенсации морального вреда представляется правильной с позиции императивного установления не только ценовых рамок судебского усмотрения, но и перечня обязательных для судебной оценки обстоятельств.

⁴ Определения Конституционного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 2539-О, 19 декабря 2019 г. № 3347-О, 27 сентября 2019 г. № 2362-О, 29 января 2019 г. № 240-О, 25 октября 2016 г. № 2236-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx/>

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» (п. 2). URL: <https://www.vsrfg.ru/documents/own/27538/>

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о приговоре компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (п. 1). URL: <https://www.vsrfg.ru/documents/own/8483/>

⁷ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2010. С. 220.

Литература

1. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред / Т.П. Будякова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. 249 с.
2. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. Москва : Статут, 2010. 423 с.
3. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. Москва : Р. Валент, 2007. 272 с.

Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики

Михайлова Екатерина Владимировна,

ведущий научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),

доктор юридических наук, доцент

e.v.mihailova@bk.ru

В статье рассматриваются основные теоретические и практические вопросы, связанные с институтом гражданского иска в уголовном процессе. На основе теоретического анализа взаимосвязи материального и процессуального в праве доказывается принципиальное различие гражданского и уголовного судопроизводства, заключающееся не только в методах правового регулирования процессуальных отношений, но и в комплексе процессуальных прав и обязанностей участников судопроизводства. Раскрывается два варианта защиты субъективных гражданских прав лиц, которым в результате совершения преступления был причинен имущественный вред: в порядке гражданского судопроизводства и в рамках уголовного процесса путем предъявления гражданского иска, показаны достоинства и недостатки каждого из них. Критическому суждению подвергнуто ограничение числа субъектов, имеющих право обратиться с гражданским иском в уголовном процессе в защиту прав других лиц, а также отсутствие права на заключение мирового соглашения между гражданским истцом и обвиняемым в рамках гражданского иска. Подчеркивается, что гражданский иск представляет собой универсальную общеправовую категорию, в силу чего он должен рассматриваться и разрешаться по правилам гражданского судопроизводства, даже в случае предъявления в уголовном процессе.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, мировое соглашение, гражданский истец, обвиняемый, прокурор, защита интересов других лиц.

A Civil Claim in a Criminal Procedure: Issues of the Theory and Practice

Ekaterina V. Mikhaylova

Leading Research Scientist of the Department of Civil Law, Civil and Arbitral Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)

LL.D., Associate Professor

The article examines the main theoretical and practical issues related to the institution of civil action in criminal proceedings. On the basis of a theoretical analysis of the relationship between material and procedural in law, the fundamental difference between civil and criminal proceedings is proved, which consists not only in the methods of legal regulation of procedural relations, but also in the complex of procedural rights and obligations of participants in legal proceedings. It reveals two options for protecting the subjective civil rights of persons who have suffered property damage as a result of committing a crime: in civil proceedings and in criminal proceedings by filing a civil claim, the advantages and disadvantages of each of them are shown. The limitation of the number of subjects who have the right to file a civil claim in criminal proceedings in defense of the rights of others, as well as the lack of the right to conclude a settlement agreement between a civil plaintiff and an accused within the framework of a civil suit, have been criticized. It is emphasized that a civil claim is a universal general legal category, due to which it must be considered and resolved according to the rules of civil proceedings, even if brought in a criminal proceeding.

Keywords: civil claim, criminal proceedings, civil proceedings, amicable agreement, civil plaintiff, accused, prosecutor, protection of the interests of other persons.

Действующее российское законодательство построено согласно принципу отраслевой дифференциации: нормативные правовые акты, регулирующие отношения в различных, обособленных сферах человеческой деятельности, образуют отдельные правовые отрасли. Критериями самостоятельности правовой отрасли являются предмет и метод правового регулирования.

Подчас границы правовых отраслей условны и спорны. Например, дискуссионным в юридической науке всегда являлся вопрос о самостоятельности предпринимательского права. Ранее оно именовалось «хозяйственным правом». Еще в советский период ученые занимали позиции «цивилистов» (сторонников признания хозяйственного права структурным элементом права гражданского)

и так называемых «хозяйственников» (сторонников теории самостоятельного отраслевого характера хозяйственного права).

Однако учеными всегда единодушно признано существование двух разнотипных и непересекающихся отраслей права — гражданского и уголовного. Принципиальное противопоставление этих отраслей основано на различии метода правового регулирования: в уголовном праве действует императивный метод, основанный на запрете совершать определенные действия, а в гражданском — диспозитивный, позволяющий субъектам любое поведение, кроме прямо запрещенного законом или нарушающего права других лиц.

Но нет ничего абсолютного, — по словам выдающегося ученого-юриста Н.М. Коркунова, «безусловных юридических норм нет. Даже такая безусловная с нравственной точки зрения норма, как запрет посягать на неприкосновенность человеческой жизни, в качестве юридической нормы не безусловна. Большинство интересов должны, правда, уступать интересу сохранения жизни, но не все. В случаях необходимой обороны, на войне, при осуществлении карательной власти государства лишение жизни правом допускается»¹.

Поэтому взаимопроникновение норм обособленных правовых отраслей возможно. При этом необходимо учитывать природу складывающегося правоотношения и действовать сообразно ей, а не общим положениям «базовой» отрасли.

Ярчайшим примером возникновения отношений, регулируемых нормами другой правовой отрасли, является феномен гражданского иска в уголовном процессе.

Гражданское судопроизводство как процессуальная форма защиты представляет собой публично-правовые отношения, возникающие между судом, рассматривающим дело, и иными субъектами в процессе рассмотрения и разрешения гражданского дела. Поскольку предметом судебного разбирательства является спорное материальное правоотношение частного правового характера, то участвующие в деле лица обладают широким комплектом так называемых «распорядительных

прав» — на отказ или признание иска, изменение его предмета или основания, заключение мирового соглашения. Диспозитивность в гражданском процессе есть следствие диспозитивного начала в частноправовых отношениях.

Напротив, уголовный процесс, представляющий собой публично-правовую деятельность суда по отправлению правосудия по уголовным делам, характеризуется публично-правовой, императивной «начинкой» — предметом судебной деятельности являются спорные материально-правовые отношения «власти и подчинения» (государство запрещает определенные модели поведения, а субъекты обязаны подчиниться этому запрету). Поэтому доминирующим методом регулирования как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных отношений является императивный метод. Диспозитивность в уголовном процессе ничтожна и касается только прямо указанных в законе случаев — например примирения сторон по определенным категориям уголовных дел.

Исходя из классификации вариантов правового поведения субъектов, предложенной С.С. Алексеевым, в сфере гражданского судопроизводства действует такая форма реализации права, как «использование», которая выражается в осуществлении возможностей, вытекающих из дозволений, и характерной чертой которой является активное поведение субъектов; а в сфере уголовного судопроизводства — «соблюдение», то есть форма реализации права, при которой субъекты соотнобразуют свое поведение с юридическими запретами, для которой характерно пассивное поведение субъектов, которые не совершают действий, запрещенных юридическими нормами².

Как точно отмечает Н.А. Колоколов, «невозможно совместить процесс уголовный (“пламень”), в его основе розыск (инквизиция), с производством гражданским, база которого — равнодушный “лед” диспозитивности»³.

Уголовное и гражданское судопроизводства, таким образом, существуют параллельно и не пересекаются. Это

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 161–162.

² Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во «БЕК», 1995. С. 251.

³ Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле — «лед» и «пламень» в одном флаконе // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9.

обусловлено методом регулирования исходных спорных материальных правоотношений — предмета судебного рассмотрения и, как следствие, спецификой регулирования производных, процессуальных, правоотношений. Однако есть одна «точка соприкосновения» — это институт гражданского иска в уголовном процессе.

Преступление — это, как известно, общественно опасное деяние. Но оно в большинстве случаев является причиной не только общественной опасности, но и материального ущерба, причиненного конкретному лицу в результате совершения преступления. Этот вред должен быть возмещен.

Необходимо иметь в виду, что у лица, которому причинен имущественный вред, есть два варианта защиты своих нарушенных или оспоренных гражданских прав: либо в отдельном гражданском судопроизводстве; либо в рамках уголовного судопроизводства путем предъявления гражданского иска.

М.С. Строгович отмечал следующие «выгоды» рассмотрения гражданско-правового требования именно в уголовном процессе: «Прежде всего это есть серьезная льгота для потерпевшего от преступления лица. Помимо того что потерпевший освобождается в этом случае от уплаты единой государственной пошлины, ему значительно легче защищать свои интересы и обосновывать свои иски требования, когда его иск рассматривается совместно с уголовным делом, в уголовном процессе, в котором выясняются все обстоятельства дела, относящиеся как к самому преступлению, так и к его последствиям. Этот порядок удобен и для обвиняемого (подсудимого), который таким образом освобождается от необходимости отвечать на суде дважды: один раз по уголовному обвинению, другой раз по гражданскому иску. Этот порядок удобен и для суда, устраняя необходимость дважды рассматривать связанные друг с другом вопросы и давая возможность суду в одном заседании, в одном процессе решить и уголовное дело и связанный с ним гражданский иск»⁴.

Безусловно, рассмотрение двух дел в одном судопроизводстве способствует

процессуальной экономии. Но вместе с тем рассмотрение гражданско-правового требования в рамках уголовного судопроизводства нетипично и ставит ряд серьезных проблем. Первая из них — сужение круга лиц, которые могут занять статус гражданского истца в уголовном процессе.

В случае предъявления гражданского иска лицом, не участвующим в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего, суд должен отказать такому лицу во вступлении в дело. Также суд должен отказать в принятии гражданского иска от лица, который действует в «чужих» интересах, не имея на это законных оснований. Речь в данном случае идет о предъявлении гражданского иска прокурором. Учитывая господствующее в сфере гражданских правоотношений диспозитивное начало, иск как гражданско-правовое требование может быть предъявлен в суд только самим обладателем нарушенного или оспоренного субъективного гражданского права. В исключительных случаях гражданско-процессуальное законодательство допускает предъявление требований в защиту прав и законных интересов других лиц. Это допускается только по основаниям, закрепленным в ст. 45 и 46 гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). В информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 27 января 2003 г. № 8-15-2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. При этом суд оценивает обстоятельства, изложенные прокурором в заявлении, свидетельствующие о невозможности гражданина самостоятельно обратиться в суд за защитой, и в случае несогласия с ними — отказывает в принятии заявления.

Неясно, почему Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) из числа лиц, которые могут обратиться с гражданским иском в защиту «чужих интересов», исключает органы государственной

⁴ Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 94–95.

власти и местного самоуправления, организации и граждан, которые на основании норм федерального законодательства имеют такое право. Кроме прокурора и законных представителей, в интересах несовершеннолетнего могут выступать органы опеки и попечительства, например. Представляется, что данное ограничение нецелесообразно. Можно согласиться с мнением о том, что «необходимо доработать УПК РФ путем расширения списка субъектов, имеющих право участвовать в уголовном процессе в качестве гражданского истца, включив в него уполномоченные органы (юридические лица) как государственной власти, так и местного самоуправления»⁵.

Таким образом, в принятии гражданского иска в уголовном процессе должно быть отказано, если: 1) лицо, предъявившее гражданский иск, не имеет статуса потерпевшего в уголовном деле; 2) лицо, предъявившее гражданский иск в защиту прав и законных интересов другого лица, не имеет соответствующего права.

И законодательство, и позиция Верховного Суда РФ не содержат прямого ответа на вопрос о том, по каким процессуальным правилам рассматривается гражданский иск в уголовном процессе — по правилам уголовного судопроизводства или гражданского? Выше было отмечено, что гражданское и уголовное судопроизводство различаются по методу правового регулирования спорных материальных правоотношений и, соответственно, объему процессуальных прав и обязанностей их участников. Так, исковое производство в гражданском процессе основано на наделении его участников широким спектром так называемых «распорядительных прав»: отказаться от иска или признать иск полностью или в части, заключить мировое соглашение, изменить предмет или основание иска, иски требования. Поэтому от ответа на вопрос, по правилам какого судопроизводства рассматривается гражданский иск в уголовном процессе, зависит вывод о том, вправе ли гражданский истец и обвиняемый, например, заключить мировое соглашение. Сразу отметим, что в ч. 4

ст. 44 УПК РФ право на заключение мирового соглашения не предусматривается.

Повышенные процессуальные гарантии защиты имущественных прав потерпевшего выражаются в том, что, как отмечено в Постановлении Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», бремя доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда лежит на государственном обвинителе. Имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья; расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека; расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.), подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов (квитанций об оплате, кассовых и товарных чеков и т.д.). Гражданский истец обосновывает перед судом свои требования о размере компенсации причиненного преступлением морального вреда (п. 21 постановления).

При этом не следует забывать, что в соответствии с принципом состязательности и конституционно гарантированным правом каждого на судебную защиту в процессе рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе защитой следует обеспечить и обвиняемого. «Перекося» в сторону защиты имущественных прав потерпевшего — несомненно следствие императивной природы спорных уголовно-правовых отношений, являющихся предметом уголовного судопроизводства. Следует согласиться с тем, что «признание лица потерпевшим и (или) гражданским истцом указывает на наличие общественно опасного деяния, по признакам которого было возбуждено уголовное дело, и наличие вреда, причиненного этим преступлением, а не констатирует виновность подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления»⁶.

Безусловно, обязанность доказать факт совершения уголовного престу-

⁵ Дык А.Г. Проблемы, связанные с институтом предъявления прокурором гражданского иска в уголовном процессе в пользу третьих лиц // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3. С. 50.

⁶ Николаев Е.М. К вопросу о предъявлении гражданского иска в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 1 (75). С. 36–37.

пления обвиняемым лицом лежит на государстве. Однако имущественный вред, наступивший вследствие совершения преступления, нарушает частное, а не публичное право, и его размер, как и факт причинения, должен быть доказан истцом. В самом деле, в гражданском судопроизводстве при рассмотрении иска о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением и предъявленного к лицу, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, будут реализованы общие принципы гражданского судопроизводства и правило, в соответствии с которым стороны правового конфликта должны самостоятельно доказать наличие или отсутствие фактов и обстоятельств, с которыми связывают свои требования и возражения. Поэтому если говорить о «процессуальных выгодах» рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного процесса, то для лица, совершившего преступление, будет предпочтительнее, пожалуй, рассмотрение иска в отдельном, гражданском судопроизводстве. По крайней мере истцу в доказывании не будет содействовать прокуратура.

Неосновательно стороны гражданско-правового конфликта по требованию о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе лишены права

на заключение мирового соглашения. Правоотношение между преступником и государством в связи с совершенным преступлением — это публично-правовые отношения. Однако правоотношения между преступником и лицом, которому в результате совершения преступления причинен имущественный вред, являются частноправовыми, и никаких препятствий к заключению ими мирового соглашения нет.

Важно понимать следующее. Иск — это общеправовое понятие, которое характеризует гражданско-правовое требование одного лица к другому, обращенное через суд. Природа иска неизменна. Вне зависимости от того, в порядке какого судопроизводства рассматривается гражданский иск, он должен рассматриваться по правилам «родного» ему гражданского судопроизводства. Не природа процессуальной деятельности детерминирует сущность подлежащего защите права, а природа права и характер спорного правоотношения определяют процессуальный порядок защиты. Представляется, что наиболее правильным было включить в уголовно-процессуальное законодательства прямое указание на то, что гражданский иск в уголовном процессе рассматривается по правилам гражданского судопроизводства (ГПК РФ).

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Бек, 1995. 320 с.
2. Джелали Т.И. К вопросу о гражданском иске в уголовном процессе / Т.И. Джелали, Я.А. Шараева // Юристы-Правоведы. 2018. № 4 (87). С. 163–167.
3. Дык А.Г. Проблемы, связанные с институтом предъявления прокурором гражданского иска в уголовном процессе в пользу третьих лиц / А.Г. Дык // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3-1 (41). С. 47–50.
4. Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле — «лед» и «пламень» в одном флаконе / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9–15.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
6. Нарбикова Н.Г. К вопросу о целесообразности гражданского иска в уголовном процессе / Н.Г. Нарбикова, Н.О. Никурадзе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 219–222.
7. Николаев Е.М. К вопросу о предъявлении гражданского иска в уголовном процессе / Е.М. Николаев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 1 (75). С. 35–37.
8. Самойлова Ж.В. Особенности гражданского иска в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран / Ж.В. Самойлова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 138–145.
9. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 312 с.

Инвестиционные споры в российском праве (часть 1: Содержание инвестиционных споров)

Баранов Кирилл Юрьевич,
старший преподаватель Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук
kbromberg@outlook.com

В настоящей статье приводится анализ современного состояния инвестиционных споров на уровне высших российских судов.

Ключевые слова: инвестиционные споры, инвестиции, инвестиционные сделки, инвестиционный процесс, доли, капитал, акции, концессии, финансовые рынки, вексель, поручительство, дочерние и зависимые общества, подконтрольные общества, иностранные инвестиции, инвестиционный климат, судебный процесс.

Investment Disputes in Russian Law No. 1: The Content of Investment Disputes

Kirill Yu. Baranov
Senior Lecturer of the Law Faculty of the Financial University under the Government
of the Russian Federation
PhD (Law)

This article provides an analysis of the current state of investment disputes at the level of the highest Russian courts.

Keywords: investment disputes, investments, investment transactions, investment process, shares, capital, shares, concessions, financial markets, promissory notes, guarantees, subsidiaries and affiliates, controlled companies, foreign investments, investment climate, litigation.

Введение

Инвестиционное право в том виде, в котором мы его знаем сейчас, — достаточно молодая отрасль права (существует около 70 лет), которая не перестает совершенствоваться и удивлять нас новыми явлениями. Одним из таких явлений, чисто экономическим, стал многократный, беспрецедентный для российского рынка рост числа частных инвесторов, вкладывающих свои средства в инструменты финансового рынка в 2020–2021 гг. В марте 2021 г. был опубликован доклад Центрального банка «Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг». По итогам 2020 г. общее количество инвесторов на фондовом рынке России выросло в 2,3 раза и достигло 9,9 млн человек, что составляет 12% экономически активного населения страны. А количество клиентов в сегменте доверительного управления достигло 562 тыс. человек (+65% за год), а стоимость инвестиционных портфелей — 1,5 трлн руб., в том числе 370 млрд руб. в рамках стандартных стратегий физических

лиц. Средний размер портфеля физических лиц в рамках стандартных стратегий за год снизился с 900 тыс. руб. до 700 тыс., а доля стандартных стратегий от общего объема портфелей физических лиц составила 36%¹.

На основе подготовленного отчета службы Центрального банка по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг мы видим, что в 2020 г. количество жалоб, поступивших в отношении субъектов рынка ценных бумаг, выросло в 1,7 раза по сравнению с 2019 г. и составило 1,6 тыс., что еще раз показывает нам актуальность и востребованность механизмов защиты прав частных инвесторов. Таким механизмом, безусловно, является судебная система, которая позволяет сбалансировать права участников инвестиционных отношений. Именно поэтому исследование актуального состояния судебной практики в области

¹ URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/chislo-roznicnykh-investorov-dostiglo-12-ekonomicheski-aktivnogo-naseleniya-20210304-145423/>

инвестиционных споров представляется актуальным и полезным для практического применения.

Предмет инвестиционного права

Первое, что следует сделать, — это прочертить границы нашего исследования, которое лежит за пределами споров, возникающих из правоотношений на финансовых рынках. Эти правоотношения — лишь некоторые, составляющие предмет инвестиционного права. Данная работа основана на том, что в предмет инвестиционного права входят имущественные отношения, отвечающие следующим признакам. Во-первых, отношения характеризуются наличием «трансформации» имущественных прав инвестора из одной формы в другую, сохраняя свою субъективную стойкость через категорию эквивалентности. Во-вторых — алеаторным характером сделки, то есть сделки, результат которой рискован и не полностью зависит от воли сторон. В-третьих — системным характером такой инвестиционной деятельности.

Принимая во внимание указанное выше содержание предмета инвестиционного права, мы можем сказать, что к категории инвестиционных споров относятся не только споры профессиональных участников финансового рынка, но и споры, возникающие из различных инвестиционных сделок, таких как сделки с долями в капиталах, акциями, векселями, концессии, поручительство. Кроме того, в предмет инвестиционного права входят такие специфические явления, как правоотношения между дочерним и материнским обществами (поскольку последнее всегда инвестирует в первое), и мн. др. Таким образом, перечень инвестиционных споров соответствует перечню тех правовых категорий, которые составляют предмет инвестиционного права.

Принимая во внимание новизну и комплексный характер инвестиционного права, важно отметить, что инвестиционное законодательство развивается не так равномерно и системно, как, например, гражданское или иное законодательство, а поскольку судебная практика основана на применении норм законов, то и в судебной практике нет никакого единообразия. Более того, в профессиональном сообществе понятие «инвестиционные споры», когда речь заходила о национальной пра-

вовой системе, отождествлялось со спорами, вытекающими из правоотношений по договорам долевого участия (инвестирования) в строительстве многоквартирного дома. Это заблуждение было основано на том, что договоры, заключаемые в рамках такого участия, именовались «инвестиционный контракт» или «инвестиционный договор», что совершенно неверно, более того, сам институт долевого участия в строительстве многоквартирного дома не относится к институтам инвестиционного права, поскольку регулируемые им отношения не содержат признаков инвестиционного права, о которых мы писали. Так, споры, связанные с долевым участием в строительстве многоквартирного дома, не являются инвестиционными и не являются предметом нашего исследования.

Судебная практика высших судов

Тем не менее примечателен факт, что именно в рамках разбирательства по «строительной» категории дел российский суд принял свое первое и на сегодня единственное постановление, касающееся содержания инвестиционных правоотношений и инвестиционных сделок. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 11 июля 2011 г. № 54² указал, что *при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам глав 30 («Купля-продажа»), 37 («Подряд»), 55 («Простое товарищество») Кодекса и т.д.*

Если не установлено иное, судам надлежит оценивать договоры, связанные с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства или реконструкции объектов недвижимости, такие как договоры купли-продажи будущей недвижимой вещи. При этом судам необходимо учитывать, что положения законодательства

² Сборник разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам применения отдельных норм договорного права: сборник / сост. О. В. Волошин. 3-е изд., доп. М.: Статут, 2015. 592 с. ISBN 978-5-8354-1074-3 // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/61695> (дата обращения: 10.09.2021).

об инвестициях (в частности, статьи 5 Закона РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», статьи 6 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений») не могут быть истолкованы в смысле надления лиц, финансирующих строительство недвижимости, правом собственности (в том числе долевой собственности) на возводимое за их счет недвижимое имущество.

Право собственности на объекты недвижимости возникает у лиц, заключивших договор купли-продажи будущей недвижимой вещи (включая случаи, когда на такого рода договоры распространяется законодательство об инвестиционной деятельности), по правилам пункта 2 статьи 223 ГК РФ, то есть с момента государственной регистрации в ЕГРП этого права за покупателем³.

Рассматриваемое постановление примечательно по двум причинам. Во-первых, как мы уже говорили, в первой своей части, где судам следует устанавливать правовую природу соответствующих договоров и разрешать спор по правилам глав 30 («Купля-продажа»), 37 («Подряд»), 55 («Простое товарищество») Кодекса и т.д., суд указал, что инвестиционные отношения не являются индивидуально определенными, как, например, купля-продажа или подряд. С таким подходом следует согласиться, но, вместе с тем, следует отметить и его существенный недостаток. Высший Арбитражный Суд РФ рассматриваемым постановлением обязал нижестоящие суды при рассмотрении соответствующих дел «устанавливать правовую природу соответствующих договоров»⁴, однако инструментов для этого не дал. Из буквального толкования рассматриваемого предложения следует, что нижестоящие суды должны выбирать наиболее подходящие по содержанию договора поименованные договоры (или правовые институты) и применять их к исследуемым судами правоотношениям. Такой подход представляется нам слишком поверхностным и оттого ошибочным. Мы не можем согласиться с тем, что при применении

такого подхода осуществляется «установление правовой природы» договоров. Наука и практика знают методы, которые в данном случае были бы более релевантными. Это прежде всего методы, основанные на поиске признаков инвестиционных правоотношений, известные в практике как «тест Салини» (в международном праве) и *Howey test* (в судебной практике США).

Так, несмотря на упорность рассматриваемого подхода, в его защиту нужно отметить, что авторы, разумеется, не ставили перед собой задачу определить инвестиционные правоотношения. Их задача была разрешить конфликт норм инвестиционного и гражданского законодательства, основанный на фундаментальном противоречии между содержанием Гражданского кодекса (а в его продолжении и закона о государственной регистрации недвижимости) и ст. 5 Закона РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», ст. 6 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Конфликт этот заключался в различном моменте возникновения права собственности на недвижимость у лица, которое финансирует создание этой недвижимости. Перед судами раз за разом возникал этот вопрос, поскольку в рассматриваемый период еще не применялась «доктрина будущей вещи». Заявителей по таким искам тоже можно понять, поскольку они были лишены возможности защищаться и вынужденно ссылались на неверные нормы инвестиционного законодательства, для того чтобы восстановить свои права.

Таким образом, Высший Арбитражный Суд РФ весьма изящно решил поставленную задачу и вместо исследования инвестиционной природы обязательства просто объявил отношения, вытекающие из спорных договоров, не инвестиционными, а значит, и применению к ним подлежит не инвестиционное законодательство, а гражданское, определяющее момент государственной регистрации недвижимости как момент возникновения права собственности на нее.

Другая позиция, уже Верховного Суда Российской Федерации, представляющая интерес и также проистекающая из «не инвестиционной» судебной практики, — это позиция, изложенная в п. 7 Обзора

³ Пункт 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем».

⁴ Указ. соч.

судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016)⁵. В рамках дела о банкротстве судам первой второй и третьей инстанций предстояло решить, подлежат ли применению к должнику правила § 7 «Банкротство застройщиков» гл. IX закона о банкротстве⁶. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты нижестоящих инстанций и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Верховный суд постановил, что, отказывая в применении правил § 7 гл. IX Закона о банкротстве, суды ограничились констатацией того факта, что непосредственно должник денежные средства не привлекал; между ним и участниками строительства отсутствуют прямые договорные связи. Вместе с тем судами нижестоящих инстанций не учтены цели законодательного регулирования соответствующего института, состоящие в первую очередь в необходимости защиты участников строительства от злоупотреблений застройщиков, совершаемых путем иного правового оформления своих отношений по привлечению денежных средств⁷.

Рассматриваемое постановление Верховного суда, и конкретно приведенный выше фрагмент, представляет большой интерес именно постольку, поскольку оно свидетельствует о применимости подхода, о котором мы говорили выше, который связан с определением сути и существа спорных правоотношений, используя выработанный набор признаков или, как в данном случае, — телеологическое толкование закона.

Содержание инвестиционных споров

Принимая во внимание изложенное выше, мы приходим к выводу, что содержание инвестиционных споров соответствует инвестиционному законодательству, и, для того чтобы оценить качество инвестиционных споров, мы оценивали решения высших судов, имеющих инвестиционную основу по определенному перечню законов⁸. Важно отметить в качестве результата

нашего исследования, что большая часть перечисленных законов на момент исследования не имеет судебной практики на уровне высших судов, что, по нашему

раля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»; Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ (ред. от 31.05.2018) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»; Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»; Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»; Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах»; Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью»; Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах»; Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об инвестиционном товариществе»; Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об инвестиционных фондах»; Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О рынке ценных бумаг»; Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности»; Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»»; Федеральный закон от 2 июня 2016 г. № 154-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О Российском фонде прямых инвестиций»; Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»; Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О промышленной политике в Российской Федерации» (Специальный инвестиционный контракт); Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О соглашениях о разделе продукции»; Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О концессионных соглашениях»; Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»; Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 5 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6 (окончание).

⁶ Пункт 7 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016).

⁷ Определение № 304-ЭС16-4218.

⁸ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 (ред. от 26.07.2017) «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»; Федеральный закон от 25 фев-

мнению, имеет достаточно точное политико-правовое обоснование. Значительно больший объем вопросов, решаемых постановлениями высших судов, составляют вопросы, возникающие в процессе банкротства, — именно эта подкатегория доминирует в категории экономических споров. Такое содержание судебной практики по инвестиционным спорам, безусловно, свидетельствует и является индикатором современного состояния экономики. Другой значимый фактор — это состояние самой правоохранительной системы в широком смысле этого термина. Не секрет, что на протяжении десятилетий отечественные предприниматели выбрали зарубежные правовые механизмы для защиты своих активов, что и привело к достаточно низкому количеству инвестиционных споров, рассматриваемых в России. Большинство рассматривается в институциональных арбитражах или национальных иностранных судах. Яркая иллюстрация попытки переломить этот подход содержится в Постановлении Президиума ВАС РФ от 23 октября 2012 г. № 7805/12⁹, в котором ВАС РФ отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда о признании недействительным договора купли-продажи 23,46% доли в уставном капитале общества «Морской Рыбный Порт».

Инвестиционные сделки: общие положения

Важной частью инвестиционного климата является правовое регулирование инвестиционных сделок — ключевых и единственных юридических драйверов инвестиционной активности. Здесь нам следует обратить внимание на Постановление Президиума ВАС РФ от 5 февраля 2013 г. № 12444/12 (оговорка о возможности пересмотра по новым обстоятельствам), которое устанавливает важные правовые позиции для инвестиционных правоотношений. Так, в п. 1 этого постановления определяется необходимость выявления природы договоров, именуемых сторонами «инвестиционными», которая связана с тем, что понятие «инвестиции» не имеет собственного строгого или общепризнанного юридического содержания, а поэтому при использовании в наименованиях договоров оно может обозначать

разнообразные отношения, складывающиеся между участниками гражданского оборота.

Интересной представляется позиция, выраженная в п. 2 рассматриваемого постановления, согласно которой споры, связанные с неисполнением (ненадлежащим исполнением) муниципальным образованием обязанностей, предусмотренных публичным законодательством, хотя бы такие обязанности и были упомянуты в соглашениях, заключенных публичным образованием с частными лицами, не имеют частноправовой природы, а вытекают из публично-правовых отношений.

Заключение инвестиционных контрактов с включением в них перечисленных условий не противоречит действующему гражданскому законодательству и не является основанием для признания таких контрактов недействительными или не заключенными по правилам, установленным в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ). При этом соглашения, предметом которых являются констатация наличия у публичного образования определенной компетенции в сфере градостроительства, предоставления земельных участков и т.п., а также выражение публичным образованием готовности исполнять обязанности, установленные градостроительным и земельным законодательством, не являются гражданско-правовыми сделками.

Иными словами, если в инвестиционном договоре, заключенном на принципах государственно-частного партнерства, публичный партнер (публичное образование), как пишут авторы, констатировал наличие определенной компетенции и выразил готовность исполнять обязанности в рамках такой компетенции, например, предоставить земельный участок, то это не означает заключение сделки в гражданско-правовом смысле. Такой сделки, на основании которой у частного партнера возникнут права на земельный участок.

Следует отметить точность формулировок, выбранных авторами рассматриваемого постановления, поскольку с ними можно согласиться лишь в том случае, в котором в действительности стороны договора не имели своим намерением произвести распорядительное действие, а намеревались лишь констатировать полномочия публичного партнера. Вместе с тем

⁹ Вестник ВАС РФ. 2013. № 2.

следует отметить, что в сделках, в которых стороны все же намеревались совершить распорядительное действие, такие условия должны признаваться судами, поскольку они не противоречат действующему публичному законодательству.

Похожую позицию авторы заявляют в п. 3 рассматриваемого постановления, когда указывают, что договоры об участии хозяйствующих субъектов в финансировании развития инженерной инфраструктуры муниципальному образованию не противоречат действующему законодательству, так как в соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны свободны в заключении договоров, то есть в принятии на себя любых обязательств, не запрещенных законом.

Пункт 4 этого постановления определяет, что требования к существенным условиям договоров устанавливаются законодателем с целью недопущения неопределенности в правоотношениях сторон и для предупреждения разногласий относительно исполнения договора. Однако если одна сторона договора совершает действия по исполнению договора, а другая сторона принимает их без каких-либо возражений, то неопределенность в отношении содержания договоренностей сторон отсутствует. Следовательно, в этом случае соответствующие условия спорного договора должны считаться согласованными сторонами, а договор — заключенным.

Принимая во внимание правовую позицию (которую мы описали выше) высших судов относительно понятия инвестиционного договора, представляются важными позиции судов, связанные с принципами свободы договоров, поскольку в условиях отсутствия нормативного закрепления именно на этом принципе сторонам приходится основывать те или иные виды инвестиционных сделок. Так, следует обратить внимание на фундаментальное постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», оказавшее существенное влияние на всю юридическую мысль. Для нас наиболее важным видится п. 5 рассматриваемого постановления. Этот пункт «раскрывает» п. 2 ст. 421 ГК РФ, в соответствии с которым стороны вправе заключить договор, не предусмотренный

законом и иными правовыми актами (непоименованный договор).

При оценке судом того, является ли договор непоименованным, принимается во внимание не его название, а предмет договора, действительное содержание прав и обязанностей сторон, распределение рисков и т.д.

В таких случаях судам следует учитывать, что к непоименованным договорам при отсутствии в них признаков смешанного договора (п. 3 ст. 421 ГК РФ) правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются.

Однако нормы об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, могут быть применены к непоименованному договору по аналогии закона в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон (п. 1 ст. 6 ГК РФ). Применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно в исключительных случаях, когда, исходя из целей законодательного регулирования, ограничение свободы договора необходимо для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. При этом суд должен указать на то, какие соответствующие интересы защищаются применением императивной нормы по аналогии закона.

Большое значение для инвестиционного права имеют пункты с 9-го по 11-й, а также 30 рассматриваемого постановления, поскольку позиция, изложенная в них, позволяет слабой стороне договора защищаться от несправедливых условий договора. Для субъектов инвестиционной деятельности данная позиция особенно ценна, поскольку очень часто такие субъекты не равны в своем положении при заключении договора, также потому, что инвестиционные сделки наиболее сложно структурированные и права и обязанности сторон в процессе заключения договора не менее важны для качества их защиты, чем тем, которые стороны приобретают уже заключив договор.

Литература

1. Сборник разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам применения отдельных норм договорного права : сборник / составитель О.В. Волошин. 3-е изд., доп. Москва : Статут, 2015. 592 с.

Тенденции развития судебной практики по делам, связанным с распространением контрафактной продукции и иными нарушениями исключительных прав

Сухоставец Сергей Владимирович,
аспирант Института международного права и экономики (ИМПЭ) имени А.С. Грибоедова
gvsu@bk.ru

В статье отмечается наличие противоречивых тенденций в судебной практике по делам, связанным с распространением контрафактной продукции и иными нарушениями авторских и смежных прав. С одной стороны, суды стремятся обеспечить повышение уровня защищенности интеллектуальных прав, с другой стороны, в ряде случаев практика складывается таким образом, что правообладатели лишаются возможности оказывать дополнительное значимое воздействие на нарушителей с использованием гражданско-правовых средств защиты своих прав. Автором осуществляется анализ разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации, часть из которых служит значительному усилению защиты интеллектуальных прав, в частности облегчению доказывания фактов их нарушения. В то же время ряд предлагаемых толкований приводит к существенному ограничению возможностей борьбы с нарушениями таких прав. Автором делается вывод о необходимости развития дифференцированных подходов, учитывающих особенности конкретных случаев, но с обязательным привлечением к ответственности всех участвовавших в нарушении организаций, получивших доход или иную выгоду от его совершения сотрудниками такой организации или третьими лицами.

Ключевые слова: авторское право, произведения, интеллектуальное пиратство, контрафактная продукция, компенсация за нарушения исключительных прав.

Trends in the Development of the Judicial Practice in Cases Involving Distribution of Counterfeit Products and Other Violations of Exclusive Rights

Sergey V. Sukhostavets
Postgraduate Student of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

The article notes the existence of contradictory trends in judicial practice in cases related to the distribution of counterfeit products and other violations of copyright and related rights. On the one hand, the courts seek to increase the level of protection of intellectual property rights, on the other hand, in a number of cases the practice is such that the right holders are deprived of the opportunity to exert additional significant influence on the violators by using civil law means of protection of their rights. The author examines the explanations given by the Supreme Court of the Russian Federation, some of which serve to significantly strengthen the protection of intellectual rights, in particular, to facilitate proving the facts of their violation. At the same time, a number of interpretations leads to a significant limitation of possibilities to combat violations of such rights. The author concludes that it is necessary to develop differentiated approaches that take into account the specifics of individual cases, but with the mandatory prosecution of all organizations involved in the violation, who received income or other benefits from its commission by employees of such an organization or third parties.

Keywords: copyright, works, intellectual piracy, counterfeit products, compensation for infringement of exclusive rights.

Поддержка государством правообладателей в борьбе с изготовлением и распространением контрафактной продукции и иными случаями незаконного использования произведений и объектов смежных прав является одним из важнейших условий развития рын-

ка интеллектуальной собственности. На протяжении последних десятилетий разработка законодательных, организационных и технических мер защиты интеллектуальных прав приобретала все большую актуальность в связи с развитием современных высокотехно-

логичных способов производства контрафактной продукции и осуществляемым без согласия правообладателей предоставлением доступа к фильмам, книгам, музыке и другим произведениям в сети Интернет¹.

Очередное обобщение практики разрешения арбитражными судами и судами общей юрисдикции споров, связанных с нарушениями интеллектуальных прав, было осуществлено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10² (далее — Постановление Пленума).

Анализ закрепленных в Постановлении Пленума положений по вопросам борьбы с распространением контрафактной продукции позволяет сделать вывод о наличии противоречивых тенденций в судебной практике, приводящей к ее разнонаправленному развитию. С одной стороны, суды вслед за законодателем стремятся обеспечить повышение уровня защищенности интеллектуальных прав, с другой стороны, в ряде случаев практика складывается таким образом, что правообладатели лишаются возможности оказывать дополнительное воздействие на нарушителей с использованием гражданско-правовых средств защиты своих прав.

В пользу первой из отмеченных тенденций говорит, в частности, тот факт, что Верховный Суд РФ значительно облегчил доказывание нарушений интеллектуальных прав, в том числе установление факта распространения

контрафактной продукции или незаконного размещения контента на информационных ресурсах в сети Интернет. Так, в п. 55 Постановления Пленума отмечается, что факт распространения контрафактных экземпляров на любых материальных носителях может подтверждаться как путем предъявления чека либо иного документа, который может подтвердить факт оплаты, так и свидетельскими показаниями, а также на основании иных доказательств, в том числе с помощью аудио- и видеозаписей.

При этом Верховным Судом РФ отмечено, что допустимость использования таких аудио- и видеозаписей в качестве доказательств по делу о нарушении интеллектуальных прав не может ставиться в зависимость от согласия лица, в отношении которого производится запись, на осуществление такой записи, а также специально разъяснено, что информация о распространении контрафактной продукции не признается информацией о частной жизни, не может рассматриваться как информация, составляющая личную или семейную тайну.

Большое значение для развития практики доказывания нарушений в сети Интернет имеет разъяснение Верховного Суда РФ о допустимости использования в качестве доказательств распечаток материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети так называемых «скриншотов». В качестве условий такого использования названы, во-первых, указание адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, во-вторых, указание точного времени ее получения, и, в-третьих, заверение распечатки представляемых материалов лицом, участвующим в деле. Данный подход позволил правообладателям во многих случаях отказаться от использования дорогостоящих услуг нотариусов для подтверждения наличия нарушений их прав.

¹ Близнец И.А. Авторское право в цифровой среде. Новые вызовы // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества : тезисы докладов участников XXIII Международной конференции Роспатента. М., 2019. С. 35–38; Близнец И.А. Тенденции развития Интернет-пиратства в России // Международный правовой курьер. 2014. № 1. С. 30–32.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

Вместе с тем в следующем п. 56 рассматриваемого Постановления Верховный Суд РФ отразил противоположную тенденцию, направленную на ограничение возможностей возложения на нарушителя дополнительных обременений за счет возможности взыскания компенсации за нарушения исключительных прав в повышенном размере.

Возложение таких дополнительных обременений на нарушителей соответствует как доктрине отечественного гражданского права, так и положениям международных договоров Российской Федерации. Например, ст. 14 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву 1996 г. (ДАП) предусматривает обязательство каждой участвующей стороны самостоятельно принимать меры, необходимые для обеспечения эффективной охраны прав, в соответствии с правовой системой соответствующего государства³. Аналогичное требование содержится в статье 23 Договора ВОИС по исполнению и фонограммам («ДИФ»), также указывающей на необходимость принятия мер, служащих «сдерживающим средством от дальнейших нарушений»^{5,6}.

Подтвердив, что использование результата интеллектуальной деятельности несколькими способами можно рассматривать как совершение нескольких нарушений исключительных

прав, Верховный Суд РФ вместе с тем ввел подход, основанный на так называемом «единстве экономической цели». Так, абз. 2 п. 56 Постановления Пленума предусмотрено, что в том случае, если использование охраняемого объекта осуществлялось несколькими способами, но при этом такие нарушения были совершены в целях достижения одной экономической цели, их совокупность должна рассматриваться как совершение одного нарушения. При этом для иллюстрации такого комплексного подхода, основанного на оценке конечной цели, к которой стремился нарушитель, приведен, как представляется, не совсем удачный пример последовательности действий по хранению, перевозке и введению в гражданский оборот контрафактной продукции.

Следует признать, что сами по себе хранение или перевозка такой продукции не подпадают под действие положений ст. 1270 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), определяющей содержание исключительного права на произведение. Вместе с тем под действие рассматриваемого нововведения подпадают, например, случаи воспроизведения трудов в цифровой форме и их доведение до всеобщего сведения в сети Интернет. Если воспроизведение рассматривается как часть процесса предоставления представителям публики доступа к произведениям, незаконно размещенным в сети Интернет, то правообладатель сможет взыскать с нарушителя только компенсацию за допущенное нарушение в целом. Соответственно, при решении вопроса о взыскании компенсации, предусмотренной, в частности, ст. 1301 ГК РФ, правообладатель сможет рассчитывать на определение компенсации в виде фиксированной суммы за все совершенные нарушения, без выделения компенсации или применения иных мер ответственности за каждое из них в отдельности. Такой подход минимизирует возможности

³ Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Основные положения Договора ВОИС по авторскому праву // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. М., 2004. № 6. С. 8–21.

⁴ Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 года) // Бюллетень международных договоров Российской Федерации. 2016. № 12. С. 4–11.

⁵ Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Основные положения Договора ВОИС по исполнению и фонограммам // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. М., 2004. № 7. С. 2–15.

⁶ Договор ВОИС по исполнению и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 года) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 12. С. 12–22.

восстановления имущественной сферы пострадавшей от нарушения стороны — правообладателя⁷.

Вызывает обоснованные сомнения закрепление в качестве универсального правила вывода о том, что продажа контрафактного товара с последующей доставкой покупателю должна рассматриваться как образующая одно нарушение исключительного права. На практике одним из наиболее частых вариантов организации такой доставки является участие нескольких компаний, прежде всего компании-продавца и

привлекаемой ею службы доставки. Заявленный подход приводит к тому, что службы доставки утрачивают стимул для принятия мер в целях обеспечения соблюдения авторских и смежных прав, вследствие чего отказываются от предъявления к продавцу и другим участникам процесса требований о соблюдении указанных прав и иных мер, направленных на предотвращение участия в их нарушении.

Как представляется, в дальнейшем подход должен стать более дифференцированным, а в возмещении причиненного правообладателю в результате нарушения вреда должны участвовать все компании, получившие доход от такого нарушения.

⁷ Данилов Ю.С. Защита имущественных интересов правообладателей при незаконном использовании произведений // Вопросы экономики и права. 2018. № 10 (124). С. 20–25.

Литература

1. Близнец И.А. Основные положения Договора ВОИС по авторскому праву / И.А. Близнец, К.Б. Леонтьев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 6. С. 8–21.
2. Близнец И.А. Авторское право в цифровой среде. Новые вызовы / И.А. Близнец // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества : материалы XXIII Международной конференции Роспатента (г. Москва, 16–17 октября 2019 г.) / составители : Е.В. Королева, М.С. Борисова ; редакторы : И.В. Коробко, Б.Г. Реут, А.А. Ломакина. Москва : Федеральный институт промышленной собственности, 2019. С. 35–38.
3. Близнец И.А. Тенденции развития Интернет-пиратства в России / И.А. Близнец // Международный правовой курьер. 2014. № 1. С. 30–32.
4. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Основные положения Договора ВОИС по исполнению и фонограммам / И.А. Близнец, К.Б. Леонтьев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 7. С. 2–15.
5. Данилов Ю.С. Защита имущественных интересов правообладателей при незаконном использовании произведений / Ю.С. Данилов // Вопросы экономики и права. 2018. № 10 (124). С. 20–25.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

тел. (495) 617-18-88 – многоканальный

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Высоконравственные основы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина, практика

Ковтун Николай Николаевич,

профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kovtunnov@mail.ru

Предметом исследования в данной работе являются коллизии нормативного регулирования института реабилитации в уголовном судопроизводстве России и закономерности судебной практики, предметом которой является требование юридически реабилитированного лица о полном возмещении вреда и компенсациях в связи с публичной констатацией факта незаконности уголовного преследования.

Ключевые слова: реабилитация, принцип полного возмещения вреда, объем и размер возмещения, критерии разумности и справедливости возмещения и компенсации.

Highly Moral Grounds for Rehabilitation in Russian Criminal Proceedings: The Law, Doctrine, Practice

Nikolay N. Kovtun

Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
LL.D., Professor

The subject of the research in this paper is the conflicts of the normative regulation of the institute of rehabilitation in criminal proceedings in Russia and the regularities of judicial practice, the subject of which is the requirement of a legally rehabilitated person for full compensation for harm and compensation in connection with the public statement of the fact of the illegality of criminal prosecution.

Keywords: rehabilitation, the principle of full compensation for harm, the amount and amount of compensation, the criteria of reasonableness and fairness of compensation and compensation.

Акцентирующие послы к нравственной стороне института реабилитации в уголовном судопроизводстве России достаточно известны доктрине национального уголовно-процессуального права и практикующим в данной отрасли государственной деятельности юристам. Общим «местом» этих послы, как правило, служат апелляции к соответствующим предписаниям Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) и, естественно, ст. 52, 53 Конституции Российской Федерации. В итоге весомо констатируется вывод о том, что именно на этой общепризнанной, фундаментальной основе в нормативную

ткань института российской реабилитации (гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ; далее — УПК РФ) введены нравственно «окрашенные» нормы:

- закрепляющие принцип полного возмещения вреда, причиненного личности в ходе незаконного уголовного преследования, включая, естественно, восстановление ее иных (неимущественных) интересов и прав (ч. 1 ст. 133 УПК РФ)¹;

- гарантирующие данное возмещение от имени государства, вне зависимости от вины следственных и

¹ См. также: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1674-О-О; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (пункт 13) // СПС «КонсультантПлюс».

(или) судебных органов — как публичных субъектов процесса (ч. 1 ст. 133 УПК РФ, п. 1 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ)²;

• устанавливающие упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий реабилитированных от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при заявлении соответствующих требований к государству³.

Конвенционально соглашаясь с нравственной подоплекой указанных правил, согласимся также с посылами, по сути которых постулируется тезис о том, что институт, порядок и практические итоги реабилитации должны, по идее, рассматриваться как своеобразная форма «извинений» государства за причиненный вред, компенсационная и взаимоприемлемая форма примирения реабилитированного с государством (стороной в уголовно-правовом отношении). В итоге, в контексте указанных правил и тезисов рассмотрим, насколько государство действительно стремится к снятию острого социально-правового конфликта, связанного с незаконным уголовным преследованием, к вовлечению реабилитированных в социальную жизнь гражданского общества как полноправных (активных) субъектов.

При этом мы, естественно, исключим из предмета исследования всю систему негативных коллизий, связанных с двусмысленностью юридических оснований для акта реабилитации, неопределенность в понимании сути таких категорий, как «объем возмещения» и «размер возмещения», неточность в понимании нетождественных категорий «возмещение» и «компенсация» вреда. Не предмет для исследования и коллизии, связанные с правилами реабилитации по делам частного обвинения, установлением вида или размера вреда при частичной реабилитации; проблемы, возникающие в рамках возмещения ущерба индивидуальным

предпринимателям и юридическим лицам в порядке ст. 139 УПК РФ. Каждая из этих проблем в той или иной мере была предметом анализа в российской уголовно-процессуальной доктрине с системой итоговых констатаций и предложений в итоге⁴. Как следствие, единственно актуальным (для нас) остается поставленный выше вопрос: насколько государство действительно готово честно и полно извиняться за подобного рода «ошибки», а его усилия по примирению отвечают нравственным устоям и ожиданиям общества, в лоно которого возвращается юридически реабилитированный.

Начнем, разумеется, с правил возмещения вреда, ибо именно этот исходный запрос в основе требований реабилитированного к государству, именно к справедливому его разрешению, по идее, установлена основная система норм института реабилитации. Акценты в этом вопросе, как помнится, расставлены однозначно (и это, как принцип, «сильно» подчеркивается практически в каждом исследовании): реабилитированный вправе рассчитывать на полное возмещение вреда (включая и расходы по делу), связанного с незаконным уголовным преследованием. О том, что возмещение должно быть именно полным (по идее максимальным), аккуратно «напоминают» и конституционно-правовые позиции (определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 400-О; от 16 декабря 2010 г. № 1674-О-О; и др.), а также правовые позиции Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17; причем последний (в данном контексте) прямо апеллирует к нормам ст. 15 ГК РФ.

На этом, правда, аккуратность исчерпывается, ибо вопрос о том, насколько заявленная «полнота» охватывает собой не полученные реабилитированным доходы, упущенную выгоду или,

² См. пункты 11 и 13 постановления Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17.

³ См. пункты 17 и 18 постановления Пленума от 29 ноября 2011 г. № 17.

⁴ См.: Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // *Lex russica*. 2017. № 5 (126). С. 105–115; Головки И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2018. № 3 (45). С. 26–37.

к примеру, должную компенсацию морального вреда, явно вынесен за рамки гл. 18 УПК РФ и декларируемого упрощенного порядка доказывания. В итоге, в отличие от доктрины гражданского права и собственно норм ГК РФ, все более уверенно включающих эти виды вреда в конституционное понимание «полного возмещения»⁵, порядок уголовно-процессуальной реабилитации либо императивно указывает на исключительно гражданский порядок решения этих вопросов (ч. 2 ст. 136 УПК РФ), либо «не в силах» единообразно определиться в этих исходных моментах. К примеру, объективируя взаимоисключающие судебные правовые позиции, по сути которых:

- «возмещению в порядке уголовного судопроизводства подлежит не только прямой ущерб, но и упущенная выгода»⁶;

- «невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т.е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды»⁷;

- «упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к этим средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования

подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а в силу ст. 28 ГПК РФ они подлежат рассмотрению районным судом в порядке искового производства»⁸.

В итоге судебная практика самостоятельно изыскала «оптимальную» форму рассмотрения и разрешения указанных споров. Требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, заявленные в порядке п. 1 ст. 135 УПК РФ (по основаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ), рассматриваются судом в порядке ст. 399 УПК РФ. Требования о компенсации упущенной выгоды (по основаниям п. 2 ст. 1070 ГК РФ) или денежной компенсации морального вреда — только в порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем, если отдельные требования имущественного характера оставлены судом без рассмотрения в порядке ст. 399 УПК РФ, реабилитированный, как разъясняет Пленум (в постановлении № 17), безусловно, вправе обратиться в суд (за их разрешением) в порядке гражданского судопроизводства.

При этом, правда, несколько упускается, что ни «упрощения», ни иных привилегированных правил уже не предвидится, ибо, во-первых, бремя доказывания в исковом производстве всецело лежит на истце или его (хорошо оплаченном) представителе, взыскать расходы на которого полностью — вряд ли удастся. Во-вторых, большинство исследователей эмпирически обоснованно итожат, что суды, рассматривая иски в порядке гражданского судопроизводства, однозначно отказывают в удовлетворении требований в части возмещения имущественного вреда (фактически понесенных расходов, возврата имущества, упущенной выгоды) при одновременном предъявлении в суд требований о возмещении имущественного и морального вреда. Основания

⁵ См., напр.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 819; Гражданское право. Часть вторая. Обязательственное право / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1997. С. 633; Гражданское право : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1993. Т. 2. С. 408; и др.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2008 г. № 1037-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2021).

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 1 июня 2004 г. № КАС04-203 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 № ГКПИОЗ-1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2021).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 18 августа 2010 г. № 67-О10-57 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.08.2021). Принципиально отличны в этом контексте правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, констатирующие, что возмещению в порядке данного института подлежит не только реальный ущерб, но и упущенная выгода (Определение КС РФ от 17.12.2008 № 1037-О-О).

указанного — в неподведомственности рассмотрения спора о возмещении этого вида вреда в порядке гражданского судопроизводства⁹. В-третьих, оценивая в денежных единицах нравственные страдания реабилитированного (моральный вред; ст. 151, 152 ГК РФ), суд разумно и добросовестно примет во внимание как конкретные обстоятельства дела и данные о личности истца, так и сам характер страданий¹⁰. В итоге максимально полно «возмещенные» суммы, как свидетельствуют судебные акты, в принципе несоизмеримы с теми страданиями и, соответственно, выплатами, которые известны по «европейским» и «американским» аналогам.

Необъяснимым, естественно, остается и то обстоятельство, в силу каких именно «привилегированных» правил моральный вред, вполне успешно разрешаемый судом по правилам гражданского иска в уголовном процессе, категорически не подлежит разрешению в порядке упрощенном, нравственно, как заверяют, благоприятном для реабилитированного. В итоге понятия «полного» возмещения в контексте уголовно-процессуального института реабилитации и института возмещения вреда в гражданском (и гражданском процессуальном) праве России сильно не совпадают, причем явно не в пользу упрощенного и так нравственно ориентированного института, закрепленного в нормах гл. 18 УПК РФ.

По тем же лекалам реализуется и такая форма возмещения имущественного вреда, как «иные расходы» реабилитированного, понесенные в ходе производства по уголовному делу. Суть этих расходов более или менее точно разъясняет Пленум (п. 15 постановления № 17), указывая, что, во-первых, это расходы, понесенные реабилитированным непосредственно в ходе уголовного преследования (и, надо полагать, неразрывно связанные с сутью указанной функции). Во-вторых, расходы,

призванные к устранению негативных последствий указанной деятельности, которая, напомним, публично констатирована как незаконная. Среди последних: усилия реабилитированного, связанные с реализацией (дальнейшего) процесса реабилитации¹¹, по восстановлению здоровья и т.п.

Как выяснилось, и по «букве», и «по духу» закона реабилитированный и суд принципиально различно понимают как виды понесенных расходов, так и их необходимую (причинно-следственную) связь с сутью уголовного преследования. Указанное, безусловно, «отражается» на вопросе о возможности возмещения того или иного вида ущерба и на констатации самого факта наличия последнего в объективной реальности. К примеру:

Реабилитированный Д. обратился в суд с требованием о возмещении имущественного вреда, в том числе расходов, понесенных на передачу ему продуктов питания и носильных вещей в период его незаконного содержания под стражей, а также средств, затраченных на копирование материалов дела. Решением суда, вынесенным в порядке ст. 399 УПК РФ, в возмещении указанных расходов Д. отказано. Считая это решение суда незаконным, Д. обратился с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ.

Последний, рассмотрев доводы реабилитированного, также отказал ему в возмещении этих расходов, мотивировав свое решение следующим:

Под возмещением «иных расходов», согласно п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать такие расходы, которые не могли быть понесены лицом, не будучи привлеченным к уголовной ответственности. Согласно Закону от 15 июля

⁹ См., напр.: Острикова Л.К. Указ. соч. С. 113.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Конституционный Суд РФ, правда, существенно уточняет вектор этих усилий, настаивая, что последние должны находиться исключительно в необходимой причинно-следственной связи с оказанием квалифицированной юридической помощи. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 798-О «По запросу Сюзунского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.08.2021).

1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», обвиняемые обеспечиваются питанием, достаточным для поддержания здоровья и сил по нормам, определяемым Правительством РФ. Данных о том, что эти требования закона при содержании под стражей Д. не соблюдались, суду представлено не было. Приобретение обвиняемым дополнительных продуктов питания, предметов первой необходимости, а также получение передач является его правом в соответствии с вышеназванным законом. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о том, что, реализуя это право, обвиняемый несет расходы, которые по смыслу ст. 135 УПК РФ относятся к иным расходам, подлежащим возмещению в случае возникновения у них права на реабилитацию. Отказано Д. и в возмещении расходов на копирование материалов дела, так как документально эти расходы подтверждены не были, а сам факт наличия у Д. (копий) указанных документов никак не свидетельствует о том, что они были получены на возмездной основе¹².

Мотивировка, как видим, безукоризненна (и с юридической, и с нравственной стороны). Действительно, уровень и качество питания, гарантированные обвиняемым Правительством РФ, более чем достаточны для поддержания сил и здоровья всех лиц, содержащихся под стражей; как следствие, все передачи арестованным лицам — явно излишество. Видимо, у суда нет сомнений и в том, что в Российской Федерации камеры следственных изоляторов в достаточной мере укомплектованы не только бытовой, но и необходимой множительной техникой, позволяющей арестованным без труда и в нужном количестве множить (на безвозмездной основе!) необходимые материалы уголовного дела. Как следствие, не только жалоба реабилитированного Д., но и клоновы́е, по сути, обращения арестованных в ЕСПЧ на невыно-

симые условия содержания под стражей в Российской Федерации не имеют под собой никаких фактических и юридических оснований.

Еще в одном уголовном деле (аналогично оконченном реабилитацией в порядке гл. 18 УПК РФ) ситуация несколько иная:

Постановлением суда взысканы в пользу реабилитированного М. за счет казны Российской Федерации в том числе средства, полученные за продажу жилого дома и израсходованные для обеспечения материального существования семьи в период длительного уголовного преследования М.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, отменяя это решение, указала, что жилой дом не был конфискован, арестован или иным путем обращен в доход государства на основании приговора или иного решения суда. В данной связи права М. на это имущество никак нарушены не были. Он самостоятельно и добровольно распорядился правом собственности на принадлежащий семье дом. Более того, средства, полученные от продажи дома, не могут быть отнесены к «иным расходам», понесенным в ходе уголовного преследования, поскольку представляют собой не расходы, а доходы, полученные М. от продажи имущества¹³.

В итоге — и здесь все обосновано: М. сам виноват в сложившейся ситуации. Будучи в достаточной мере обеспеченным питанием и всем необходимым в следственном изоляторе, он не испытывал острой потребности в продаже (в том числе на возможных кабальных условиях) данного дома. Семья не имела средств к существованию ввиду длительного ареста кормильца(?); опять вина исключительно М. Находясь в следственном изоляторе, надо не о доходах (от продаж) думать, а о семье, в том числе обеспечив и ее калорийным питанием — достаточным для поддержания сил и здоровья.

Еще в одном случае: реабилитированный В. обратился в суд с заявлением

¹² См.: Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2013 г. по делу № 89-О13-2. URL: <https://dogovor-urist.ru/> (дата обращения: 23.08.2021).

¹³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2010 г. № 66-О10-123. Цит. по: Острикова Л.К. Указ. соч. С. 110.

о взыскании пособия по нетрудоспособности. Постановлением суда от 11 декабря 2012 г. в удовлетворении указанных требований отказано, ибо перед арестом В. не работал, в центре занятости населения на учете не состоял, а потому (у суда) нет оснований считать, что в результате незаконного уголовного преследования он лишился заработка либо пособия по нетрудоспособности. Кассационным определением от 13 мая 2013 г. постановление суда, вынесенное в порядке ст. 399 УПК РФ, оставлено без изменения, кассационная жалоба В. — без удовлетворения¹⁴.

По идее, все правильно — по закону. Вместе с тем напомним, даже не в столь высоко нравственном институте процессуальных издержек лицам, вызванным в следственный орган или суд для выполнения процессуальных обязанностей и не имеющим постоянной заработной платы, от имени государства выплачиваются вполне определенные суммы за отвлечение их от обычных занятий (п. 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Хотя, скорее всего, следует извиниться, им же никто (одновременно) не гарантирует ни нормальных «жилищных» условий в СИЗО, ни пропитания, достаточного для поддержания сил и здоровья.

Еще более «озаботилось» государство нравственной стороной полного возмещения тех денежных средств, которые понес обвиняемый на оказание ему квалифицированной юридической помощи (п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Более того, именно в этом «конституционном» вопросе максимально полно и ясно объективировались истинные подходы последнего относительно социально-нравственной (компенсационной) составляющей института и акта реабилитации. Проследим генезис национальных судебных позиций в этом вопросе:

Суммы, выплаченные за оказание квалифицированной юридической помощи, как констатирует высшая

судебная инстанция России, подлежат возмещению реабилитированному в полном объеме вне зависимости от сложности и объема уголовного дела, количества адвокатов и фактически затраченного ими времени на защиту, а также от имевшейся у обвиняемого возможности ходатайствовать о назначении ему защитника с оплатой за счет средств федерального бюджета¹⁵.

Искренне согласимся: конституционная, верная, юридически и нравственно безупречная правовая позиция, ясно и точно объективирующая в себе и социально-нравственную ценность акта реабилитации личности, и в целом систему правовых, социальных, нравственных ценностей гражданского общества, подлежащих обеспечению средствами права.

Увы, заявленной принципиальности было не суждено состояться. Уже в Определении от 2 апреля 2015 г. № 708-О высший орган конституционного правосудия России формирует принципиально иные, как утверждает, подлинно конституционные правовые позиции. По смыслу последних: фактические и документально подтвержденные расходы, выплаченные доверителем адвокату за оказание квалифицированной юридической помощи, в принципе не являются императивом для суда, решающего вопрос о размере имущественных выплат в порядке гл. 18 УПК РФ. Поэтому «если судом будет установлено (на основании документов, заключений экспертов...), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах, существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся ...объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи»¹⁶.

Конституционное обоснование указанного: в критериях разумности

¹⁴ Цит. по: Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-o-primenenii-sudami-institutata-reabilitacii-v-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 18.08.2021).

¹⁵ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 89-О13-2.

¹⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

и справедливости указанных выплат в порядке гл. 18 и ст. 399 УПК РФ. Разумности и справедливости с позиций, естественно, государственных. Однако, объективируя столь очевидную заботу о «государевом» интересе, Конституционный Суд РФ в принципе не задается вопросом о достоверных критериях **действительной** стоимости оказываемых юридических услуг. Между тем критерии эти изначально различны. Стоимость услуг столичных «мэтров» адвокатского сообщества (оценивающих юридические услуги «за час» и преимущественно в конвертируемых единицах) и стоимость адвоката, практикующего в российской провинции, несопоставимы в принципе. Более того, даже в пределах одного региона или города а priori невозможно вычислить «средневзвешенную» стоимость одних и тех же адвокатских услуг, ибо «расценки» в зависимости от фигуры клиента, свойств дела (реального или афишируемого), статуса и самооценки юридически квалифицированного мэтра — не только кардинально отличны, но и непрогнозируемы. Это давно и достоверно известно практикующим членам адвокатского сообщества (и не только в России), следственным органам, судам и, безусловно, заинтересованной клиентуре. Никем не оспариваемые принцип свободы договора и добровольное соглашение сторон давно и правомерно доминируют в этом вопросе, регулируя спрос, предложение, условия, «цену» договора. Тем более что именно последняя, нередко, формирует итоговый (желаемый) результат.

Как следствие, изначально правомерны вопросы: именно суд, как орган отправления правосудия, как орган власти, должен определять достоверную «стоимостную» оценку того или иного представителя адвокатского сообщества России? Насколько достоверной должна быть эта оценка; должна ли она зависеть от субъективных установок того или иного судьи, от «сложившихся» или «...не очень» отношений с конкретным адвокатом, от степени «управляемости» последнего в процессе? Насколько эта «стоимостная» оценка должна соотноситься с оценками иных судей?

В итоге предложенное — либо коррупциогенный фактор российского правосудия, либо широко декларируемый фактор функционирования единой вертикали власти, где в принципе нет и не может быть места неуправляемым структурам, а суд (строго) обязали к сбережению «казны государевой». Ответы на эти вопросы, скорее всего, даст судебная практика, которая, как известно, с редким воодушевлением восприняла и реализует векторы предложенных «конституционных» новаций. К примеру:

Апелляционным постановлением Московского городского суда № 10-7214/2013 на основе критериев разумности и справедливости снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 млн руб. до 2 млн 266 тыс. руб. В обоснование суд привел как общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, так и соответствующие национальному интересу акты ЕСПЧ¹⁷. В частности, согласно ст. 41 Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г., как резюмирует суд, «при определении размера компенсации причиненного лицу имущественного ущерба применяется принцип справедливости возмещения». Отсюда и «разумный» вывод: 2 млн 266 тыс. руб. достаточно и справедливо для полного возмещения понесенных расходов, несмотря на представленные реабилитированным документы на оказание квалифицированной юридической помощи¹⁸.

Обоснованно, как видим, красиво, если, конечно, «не передергивать» карты. Однако, во-первых, «возмещение» и «компенсация» суть изначально не тождественные и не взаимозаменяемые понятия. Возмещают (должны возмещать!) полно, без оговорок — все

¹⁷ Напомним, в последние годы Российская Федерация строго «дифференцирует» акты ЕСПЧ на те, которые соответствуют национальному интересу, суверенитету и безопасности государства, и те, которые явно не соответствуют.

¹⁸ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 августа 2013 г. №10-7214/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

документарно подтвержденные расходы реабилитированного. Компенсация, напротив, изначально субъективный, оценочный момент, зависящий от множества факторов. И когда ЕСПЧ, присуждая определенную компенсацию заявителю, говорит о соразмерности, справедливости, разумности, он в принципе не принимает к оценке ни причиненный имущественный ущерб заявителю, ни понесенные им материальные расходы по делу. Суд (в контексте прав заявителя) констатирует нарушение государством-ответчиком той или иной нормы конвенции, указывает на несправедливость правосудия или его итогового акта. Как следствие, присуждает (не возмещает!) заявителю разумную компенсацию, одновременно побуждая государство скрупулезно выполнять взятые на себя обязательства международного правового характера. Российский суд, искусственно подменяя акценты и смыслы по сути основных категорий, пытается субъективно использовать их для совершенно иных отношений, с принципиально иным правовым регулированием.

Во-вторых, столь же искусственны апелляции к приоритетной силе актов международного правового характера, (якобы) доминирующих над национальным правовым регулированием. Достаточно известны правовые позиции как Верховного Суда РФ, так и высшего органа конституционного правосудия России, согласно которым если национальное законодательство содержит более высокие стандарты правовой (судебной) защиты, то нормы международного правового характера не имеют приоритета¹⁹. Отсюда, даже если принять во внимание исключительно нормы ч. 1 ст. 133 УПК РФ, однозначно закрепляющие принцип полного возмещения вреда реабилитированному, именно последние приоритетно подлежат применению.

Тем не менее установки российского правосудия ориентированы явно в иное направление. В итоге судами все более

формируются практики по максимальной минимизации выплат государства реабилитированным на основе критериев публичной «разумности» и «соразмерности». К примеру:

А. Р. обратился в суд с заявлением о реабилитации, в котором содержалось требование о выплате ему расходов, связанных с получением юридической помощи в сумме 1 926 532 руб. Указанные расходы сложились: из суммы «за вступление адвоката в дело», «оцененное» адвокатом в 266 500 руб.; собственно защиты на следствии, в суде первой и второй инстанций — 1 660 032 руб. Решая ходатайство, суд исключил из заявленных требований 899 760 руб. — за вступление в дело, так как это не является фактическим оказанием услуг по защите, а также за участие в заседании суда кассационной инстанции, в котором адвокат не участвовал.

Оставшуюся сумму в размере — 1 026 772 руб. за оказание юридической помощи Р. суд уменьшил до 350 000 руб., руководствуясь принципами разумности и соразмерности. Принимая решение, суд учел объем, сложность дела, количество дней фактического участия адвоката как на предварительном следствии, так и в судебном заседании.

В. Реабилитированный К. обратился в суд с заявлением о возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Среди иных требований он указал, что его защиту по уголовному делу осуществлял адвокат, стоимость услуг которого составила 4 500 000 руб. В обоснование требований К. представил в суд доказательства того, что денежные средства в указанном размере адвокату выплачены.

Суд удовлетворил заявление К. частично, взыскав 500 000 руб. в счет возмещения расходов за оказание квалифицированной юридической помощи. В обоснование суд указал, что находит оплаченную адвокату сумму чрезмерной, так как она не соответствует объему и сложности выполненной работы, количеству следственных и иных процессуальных действий и судебных заседаний, в которых адвокат принимал участие.

¹⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» (абз. 2 п. 3 постановления).

Суд установил, что К. предъявлено обвинение в совершении одного преступления; объем уголовного дела при направлении дела в суд составил 3 тома, а с учетом судебного следствия — 4 тома; срок предварительного следствия составил 5 мес. 30 суток, рассмотрение дела в суде длилось с сентября 2013 г. по июнь 2014 г. При этом адвокат принимал участие в производстве процессуальных действий на стадии досудебного производства — семь дней, а в ходе судебного производства — в течение 14 дней. С учетом ч. 3 ст. 17 Конституции РФ суд первой инстанции, сославшись на принцип свободы договора, предусмотренный ст. 421 ГК РФ, признал требуемую К. сумму несоразмерной оказанным услугам и, учитывая принцип разумности, снизил ее размер до 500 000 руб.²⁰

Признаем, посчитано скрупулезно: до дней, часов и количества следственных, процессуальных и судебных действий, реализованных с участием адвоката. И с позиций публичной «справедливости» последний,

²⁰ Цит. по: Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе // Там же. Аналогично см.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 28 августа 2017 г. по делу № 33-12768/2017; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 13 апреля 2018 г. по делу № 33-3228/2018; и др. // СПС «КонсультантПлюс».

действительно, «не переработался». И, тем не менее, это же надо уметь: за 7 и 14 дней однозначно выиграть у всесильного государства, несмотря на всю мощь и организованность его оперативных, следственных и судебных органов, которые месяцами «трудились», обосновывая обвинение по делу; используя весь комплекс мер процессуального принуждения, весь аппарат подавления. Оправдательный приговор с этих позиций — это обидно (извините — несправедливо); реабилитация — никак не разумно; возмещение и компенсации — дико несоразмерны. В итоге если что и остается понять, то «каким боком» здесь принцип свободы договора, к которому так сильно апеллирует суд в указанном выше решении. Разве (по сути, последнего) стороны не свободны в определении предмета, условий, цены договора. Конечно, при условии, что существенные его условия изначально не объективируют кабальную сделку или не нарушают публичный (государством охраняемый!) интерес. Как следствие, скорее всего, именно в последнем причины «незабытой» публичной «обиды». Выплачивать (полно — несоразмерно) обещалось ведь государство. Отсюда и «извинения» реабилитированному — по сути, «с камнем за пазухой», и ресоциализация последнего, по факту, с тем же взаимным затаенным подтекстом.

Литература

1. Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе / А. Антонов // Адвокатское бюро «Антонов и партнеры». URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-o-primenenii-sudami-institutu-reabilitacii-v-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 18.08.2021).
2. Головки И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования / И.И. Головки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 26–37.
3. Гражданское право России. В 2 частях : курс лекций / ответственный редактор О.Н. Садилов. Часть 2. Обязательственное право / М.И. Брагинский [и др.]. Москва : Бек, 1997. 687 с.
4. Гражданское право : учебник для студентов высших учебных заведений. В 2 томах / ответственный редактор Е.А. Суханов. Т. 2 / Е.Н. Гендзехадзе [и др.]. Москва : Бек, 1993. 430 с.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. Москва : Юридическая литература, 1975. 880 с.
6. Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности / Л.К. Острикова // Lex russica (Русский закон). 2017. № 5 (126). С. 105–115.

Некоторые проблемы уголовной ответственности за нарушения антидопинговых правил

Сынтин Антон Вячеславович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического университета
asyntin@gmail.com

Уголовная ответственность за нарушение антидопинговых правил установлена за склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и (или) методов, а также за использование в отношении спортсмена запрещенных субстанций. При введении уголовной ответственности законодатель не выявлял общественную опасность именно этих деяний, кроме этого, допустил ряд ошибок при криминализации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ. Автор предлагает пути разрешения выявленных проблем. В частности, мы предлагаем исключить ответственность за использование запрещенных субстанций и методов с согласия спортсмена, заменив на использование запрещенных субстанций и (или) методов без ведома спортсмена. Также мы считаем нецелесообразным ограничивать запрещенные субстанции и (или) методы специальным перечнем, так как прежде всего данные преступления посягают на общественную нравственность (дух спорта), поэтому нет существенной разницы, с использованием какой субстанции антидопинговые правила нарушались.

Ключевые слова: допинг, уголовная ответственность, предмет преступления, использование без ведома спортсмена запрещенных субстанций и (или) методов, склонение спортсмена к использованию запрещенных субстанций и (или) методов.

Some Problems of the Criminal Liability for Violations of Anti-Doping Rules

Anton V. Syntin
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Siberian Law University

Criminal liability for an anti-doping rules violation is established for inducing an Athlete to use a Prohibited Substance and/or Prohibited Method and for the Use of a Prohibited Substance against the Athlete's consent. In introducing criminal liability, the legislator did not take into account the level of social danger of these particular acts, and made a number of mistakes in the criminalisation of these acts under Articles 230.1 and 230.2 of the Russian Federation Criminal Code. The author concludes by suggesting solutions to the identified problems. In particular, we propose to remove the liability for the use of prohibited substances and methods with the consent of the athlete, replacing it with the use of prohibited substances and/or methods without the athlete's consent. It is also inappropriate to restrict the prohibited substances and/or methods to a specific list because the offence is primarily an offence against public morals (spirit of sport), so it makes no significant difference what substance is used to violate anti-doping rules.

Keywords: doping, criminal liability, offence, unknowingly using prohibited substances and (or) methods, inducing an athlete to use prohibited substances and (or) methods.

Введение

В монографии «Фармацевтическое уголовное право» по редакцией А.И. Рарога указано: «В исследовательском плане проявляется необъяснимый феномен: есть нормативная база установления и осуществления допингового контроля (международно-правовая и российская)... есть уголовно-правовые запреты допинговых нарушений; есть научная полемика, — но при всем этом нет ответа на вопрос, какое отношение

к уголовному праву имеет нарушение антидопингового законодательства. Есть ли основания для дополнения действующего УК РФ ст. 230.1 и 230.2 и в чем они состоят? На своем ли они месте в структуре Особенной части УК [РФ]?»¹

¹ Фармацевтическое уголовное право России / А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2019. 214 с.

Применение уголовно-правовых мер является *ultima ratio*, поэтому оно оправданно только в крайнем случае, когда другие (неуголовные) меры неэффективны.

Отсутствие консенсуса о социальной обусловленности криминализации исследуемых преступлений, а также вопросы об их местоположении в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) и юридико-технические ошибки в ст. 230.1 и 230.2 УК РФ предопределили их неэффективность.

Основная часть

В первую очередь ошибки касаются объекта уголовно-правовой охраны. При криминализации законодатель определил объект преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, по аналогии с наркопреступлениями: преступления против здоровья населения. Некоторые авторы согласны с таким решением². Однако допинг не равнозначен наркотическим средствам (хотя некоторые запрещенные вещества и являются наркотиками), поэтому при его использовании гораздо меньше выражены как социальные последствия, так и последствия для здоровья.

В сфере спорта допинг представляет собой деяния *adversus bonos mores*. Нарушения антидопинговых правил посягают на основы игры (понятие «дух спорта», моральные ценности). То есть допинг является нарушением норм морали, общественной нравственности.

Во-вторых, с проблемой объекта тесно связана проблема предмета исследуемых преступлений. К предмету относятся не все запрещенные вещества (методы), а только те, которые определены Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339³, то есть следу-

ющие группы запрещенных веществ и методов в спорте: S1. Анаболические агенты, S2. Пептидные гормоны, факторы роста и миметики, S4. Гормоны и модуляторы метаболизма, запрещенные методы (M1–M3).

В Списке ВАДА, как и в российском списке запрещенных в спорте веществ и (или) методов⁴, перечень таких агентов открыт, так как есть указание, что к запрещенным веществам относятся также другие вещества с подобной химической структурой или подобным биологическим эффектом. В указанном постановлении Правительства РФ список является закрытым.

При этом схожесть наркопреступности и спортивной преступности заключается в том, что фармакологические ресурсы организаторов применения запрещенных веществ и методов позволяют успешно разрабатывать новые или изменять старые препараты для обеспечения их «скрытого» применения.

Вопрос о том, почему не все вещества и методы запрещены, остается открытым. Часть из тех веществ, которые не попали в постановление Правительства РФ, попадают под иные статьи (связанные с наркотиками, сильнодействующими веществами и т.д.).

Например, кокаин, МДМА, расположенные в разделе S6 «Стимуляторы», весь раздел S7 «Наркотики» и S8 «Каннабиноиды» изъяты из-под действия ст. 230.1 и 230.2 УК РФ. Кроме этого, ряд запрещенных веществ подпадает под действие ст. 234 УК РФ: оксаболон, оксандолон, оксиместерон, оксиметолон.

Если наркотические средства вызывают зависимость и практически всегда вне медицины используются для достижения «эйфории», то запрещенные вещества и методы в целом используются для увеличения мышечной массы, повышения выносливости, но при обычном использовании — в медицинских

рации». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2017).

² Прокументов Л.М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст. 230.1, 230.2 УК РФ) // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 33; Фазлиев А.А. Проблемы определения основного непосредственного объекта в составах преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. С. 465–469.

³ Постановление Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Запрещенный список 2021 года. URL: <https://www.wada-ama.org> (дата обращения: 20.08.2021); Приказ Министерства спорта РФ от 16 декабря 2020 г. № 927 «Об утверждении перечней веществ и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2020).

целях. Так, милдронат применяется для лечения стенокардии, инфаркта миокарда, а эритропоэтином лечат почечную недостаточность.

Кроме этого, в класс субстанций S0 входят не прошедшие клинических испытаний новые препараты, «дизайнерские» препараты, последствия от которых непредсказуемы, но они отсутствуют в перечне запрещенных субстанций, разработанном Правительством РФ для целей применения ст. 230.1 и 230.2 УК РФ.

В этой связи мы считаем, что запрещенные субстанции (методы) не могут быть предметом совершения преступления (так как воздействия непосредственно на них не оказывается), а являются средством совершения данных преступлений. В этой связи ограничивать специальным перечнем не имеет смысла.

В-третьих, в рамках ст. 230.1 и 230.2 УК РФ не уточняется, в отношении каких спортсменов (только профессиональных или еще и любительских) не допускается склонение их к использованию запрещенных субстанций или методов.

На проблему пределов действия уголовно-правовых запретов в сфере допинга указывали также С.Т. Сулейманова и Д.В. Сомов, которые посчитали, что запрет распространяется только на случаи склонения спортсменов-профессионалов, а также на случаи использования в отношении них запрещенных субстанций (методов)⁵.

В соответствии с Общероссийскими антидопинговыми правилами запреты распространяются на всех спортсменов, в том числе защищенных лиц и спортсменов-любителей, а также спортсменов, принимающих участие в спортивных соревнованиях, организованных физкультурно-спортивной организацией, зарегистрированной на территории Российской Федерации.

То есть спортсмены-любители также могут быть потерпевшими в рамках исследуемых составов.

⁵ Сулейманова С.Т., Сомов Д.В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Наука. Общество. Государство. 2017. № 3 (19).

В-четвертых, проблемным аспектом объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, является то, что способы склонения неограниченны. К ним, в частности, относятся не только обман, уговоры, советы, насилие и шантаж, но и предоставление информации, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий для использования.

Такой способ, как предоставление средств применения запрещенных методов, конкурирует с ч. 2 ст. 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (отличие можно провести только по самим запрещенным препаратам). Однако сущностно такой способ, как и предоставление информации и тому подобное, не обладает той степенью общественной опасности, которая характерна для преступлений. Тем более здесь речь идет о склонении к неправомерному поведению.

Мы считаем, что необходимо ограничить способы, оставив указания только на применение насилия к нему или его близким, уничтожение или повреждение имущества спортсмена или его близких, распространение сведений, порочащих честь и достоинство спортсмена, ущемление прав и интересов спортсменов (прежде всего права на участие в соревнованиях, право на выбор вида спорта), а равно под угрозой совершения указанных действий.

Статья 230.2 УК РФ устанавливает ответственность за использование вне зависимости от согласия спортсмена в отношении него запрещенных субстанций. Вопрос о социальной обусловленности криминализации использования в отношении спортсмена таких субстанций или методов с его согласия открыт.

При согласии спортсмена отсутствует общественная опасность, так как сам спортсмен соглашается на использование в отношении него запрещенной субстанции (метода), что можно рассматривать как согласие на причинение вреда. Кроме этого, спортсмен здесь не лишен права выбора относительно нарушения антидопинговых правил.

В целом использование вне зависимости от согласия спортсмена общественно опасно только в случае, если

совершено без ведома спортсмена, то есть лицо скрывает от спортсмена факт применения запрещенных субстанций или методов под видом витаминов, лекарственных средств, пищи.

В особенности это актуально для несовершеннолетних спортсменов, так как они еще не до конца понимают вопросы разрешенности или запрещенности того или иного препарата, а также не могут полноценно проконтролировать их «чистоту».

Использование без согласия спортсмена в отношении него субстанций пересекается со склонением, так как несогласие может быть ярко выражено и преодолено при помощи насилия, что требует квалификации по ст. 230.1 УК РФ.

Наконец, еще одной проблемой является использование оценочных терминов с неопределенным объемом (насилие, иные тяжкие последствия).

Прежде всего необходимо уточнить, что в ст. 230.1 УК РФ различается вред, причиняемый в силу воздействия запрещенных субстанций и (или) методов, а также вред, причиняемый насилем. Последний конструктивно входит в понятие «с применением насилия» (п. «в» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ).

К сожалению, в уголовном законодательстве отсутствует единообразие при закреплении этого признака в разных составах преступлений. Н. Тыдыкова, со ссылкой на Л.Д. Гаухмана, указывает, что «УК РФ содержит большое количество составов преступлений, включающих насилие в качестве одного из элементов. В законодательстве нет определения понятия “насилие”, в научно-исследовательской литературе также не встречается его общепринятой дефиниции»⁶.

Для определения, какой вред входит в данный признак, необходимо использовать метод сравнения максимальных пределов санкций.

При использовании этого метода, получается, что тяжкий вред не входит в понятие «насилие», так же как и средний вред здоровью (в соответствии со ст. 112 УК РФ максимальная санкция по

ч. 1–3 года лишения свободы). Причинение же легкого вреда здоровью входит в состав, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ. То есть при причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью необходима дополнительная квалификация по соответствующим частям ст. 111 и 112 УК РФ. Для изнасилований же и насильственных действий сексуального характера характерно, что вред средней тяжести охватывается составами и не требует дополнительной квалификации, хотя едва ли тренер или иное лицо ради принуждения спортсмена будет применять к нему насилие, которое может повлечь тяжкий или средний вред здоровью.

В части 3 ст. 230.1 и ч. 3 ст. 230.2 УК РФ есть указание на иные тяжкие последствия.

Профессор Л.Л. Кругликов указывает, что иные тяжкие последствия определяются оценочно применительно к каждой статье (особенностям объекта, в том числе дополнительного, характером самого преступления). Но ст. 230.1 УК РФ осложнена (наряду со ст. 230 УК РФ) тем, что в ней к негативным последствиям для здоровья могут привести как действия по применению насилия, так и употребление запрещенной субстанции или запрещенного метода.

Например, в ст. 230 УК РФ, согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, к тяжким последствиям относятся самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т.п.⁷.

Но особенности воздействия наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов неравнозначны последствиям использования запрещенных субстанций и методов, которые по большей части применяются как лекарственные средства. Поэтому такая категория,

⁶ Тыдыкова Н. Проблемы определения признаков насилия в статьях УК РФ // Юрислингвистика. 2019. № 11.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

как тяжкие последствия, неприменима к ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, так как кроме смерти по неосторожности достаточно сложно представить себе иные тяжкие последствия, находящиеся в причинной связи с деяниями, предусмотренными ст. 230.1 и 230.2 УК РФ. Длительная тяжелая болезнь или тяжкий вред здоровью (так как здоровье расположено ниже смерти в ценностной иерархии) должны образовывать самостоятельный состав, но не равнозначный склонению спортсмена к использованию запрещенных субстанций и (или) методов или использованию в отношении спортсмена

вне зависимости от его согласия запрещенных субстанций и (или) методов, повлекших по неосторожности смерть человека.

Заключение

В итоге стоит отметить, что выявленные проблемы не позволяют эффективно применять исследуемые преступления. Предложенные нами решения как теоретического, так и практического характера позволяют последовательно противодействовать наиболее опасным проявлениям нарушений антидопинговых правил.

Литература

1. Прокументов Л.М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст. ст. 230.1, 230.2 УК РФ) / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 33. С. 126–131.
2. Сулейманова С.Т. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте / С.Т. Сулейманова, Д.В. Сомов // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 3 (19). С. 72–78.
3. Тыдыкова Н. Проблемы определения признаков насилия в статьях УК РФ / Н. Тыдыкова // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 11–14.
4. Фазлиев А.А. Проблемы определения основного непосредственного объекта в составах преступлений, предусмотренных статьями 230.1–230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.А. Фазлиев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 4 (38). С. 465–469.
5. Фармацевтическое уголовное право России : монография / А.И. Рарог, Т.Г. Понятавская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин ; ответственный редактор А.И. Рарог. Москва : Проспект, 2020. 214 с.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Институт миграционной амнистии как один из механизмов регулирования миграционной деятельности в условиях пандемии коронавируса

Трифорова (Казарян) Кристина Васковна,
доцент кафедры административного и финансового права,
доцент кафедры гражданского права Крымского филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
kri-kazaryan@yandex.ru

Статья посвящена проблемам реализации института миграционной амнистии в механизме регулирования миграционной деятельности в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Автор проводит теоретико-правовой анализ института миграционной амнистии, акцентируя внимание на субъектах исследуемого института. Анализируется правоприменительная практика МВД России в части проведения с 2014 по 2019 г. ряда мероприятий, направленных на восстановление отдельными категориями иностранных граждан своего законного статуса на территории Российской Федерации. Представляет интерес проведенный анализ разнообразной судебной практики в сфере применения миграционной амнистии при совершении административных правонарушений. В заключение автор приходит к выводу о том, что в настоящее время миграционная амнистия как институт правоохранительной деятельности, к сожалению, на законодательном уровне не закреплена. Это обуславливает отсутствие единой судебной практики, правового регулирования порядка проведения и содержания соответствующих мероприятий, а также полномочий какого-либо государственного органа или должностного лица на принятие решений по организации процедур по реструктуризации правового статуса иностранных граждан.

Ключевые слова: амнистия, миграционная амнистия, легализация иностранных граждан, борьба с незаконной миграцией.

The Migration Amnesty Institution as One of Migration Regulation Mechanisms in the Conditions of the Coronavirus Pandemic

Kristine V. Trifonova (Kazaryan)
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law
Associate Professor of the Department of Civil Law of the Crimean Branch
of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the problems of implementing the institute of migration amnesty in the mechanism of regulating migration activity in the context of the coronavirus pandemic. The author conducts a theoretical and legal analysis of the institution of migration amnesty, focusing on the subjects of the institution under study. The law enforcement practice of the Ministry of Internal Affairs of Russia is analyzed in terms of holding from 2014 to 2019 a number of measures aimed at restoring certain categories of foreign citizens to their legal status on the territory of the Russian Federation. Of interest is the analysis of various judicial practice in the field of application of the migration amnesty in the commission of administrative offenses. In conclusion, the author comes to the conclusion that, at present, the migration amnesty as an institution of law enforcement, unfortunately, is not enshrined at the legislative level. This leads to the lack of a unified judicial practice, legal regulation of the procedure for holding and the content of relevant events, as well as the powers of any state body or official to make decisions on organizing procedures for restructuring the legal status of foreign citizens.

Keywords: amnesty, migration amnesty, legalization of foreign citizens, fight against illegal migration.

Демографическая ситуация на современном этапе в нашем государстве не может не вызывать определенную тревогу: с 2016 г. наблюдается высокий темп естественной убыли населения; многочисленные меры, принятые государством, в том

числе и в рамках миграционной политики, пока что не компенсируют данную негативную тенденцию. Росстат на фоне повышенной смертности от последствий коронавирусной инфекции COVID-19 прогнозирует сокращение населения более

чем на полмиллиона человек. Это рекордная цифра с 2005 г. И, по мнению ряда исследователей, сбалансированная миграционная политика в это непростое время может рассматриваться «...как основной фактор улучшения демографической ситуации»¹. В связи с этим представляется возможным использовать институт миграционной амнистии как одну из мер для компенсации сохраняющейся убыли населения.

Президент России В.В. Путин особо подчеркивает, что «Россия нуждается в притоке новых граждан. Не только в повышении рождаемости внутри страны, но и в привлечении людей из-за границы. Конечно, если речь идет о наших соотечественниках, носителях русского языка, русской культуры, мы вдвойне, втройне заинтересованы в притоке таких людей, которые чувствуют себя россиянами в широком смысле этого слова. Кроме того, экономике страны уже не хватает рабочих рук, а скоро этот дефицит станет еще заметнее, что становится реальным, серьезным ограничителем экономического роста в стране»².

Необходимо согласиться с мнением тех авторов, которые акцентируют внимание на том, что «миграция способна увеличивать масштабы экономики, приводя к созданию новых рабочих мест, причем конкуренция иностранцев и местного населения скорее миф, ввиду занятия мигрантами определенного сегмента рынка труда, контроль же в сфере миграции должен осуществляться не бездумным выстраиванием барьеров, а способностью принять и создать все необходимое для работы»³.

В качестве перспективного способа разрешения сложившейся ситуации можно рассмотреть вопрос о модернизации миграционного законодательства в части изменения правового статуса отдельных категорий мигрантов и определенные меры по либерализации миграционной политики, не игнорируя, конечно, интересы государства и вопросы государственной безопасности.

Институт миграционной амнистии является действенным инструментом компенсации сохраняющейся убыли населения, выступая решением демографической проблемы.

В Толковом словаре С.И. Ожегова «амнистия — это частичное или полное освобождение от судебного наказания определенной категории лиц, производимое верховной властью»⁴.

В соответствии со ст. 103 Конституции Российской Федерации правом объявить амнистию обладает лишь Государственная дума.

Конституционный Суд РФ указывает на то, что содержание амнистии рассматривается как «проявление гуманизма и великодушия государства по отношению к гражданам, преступившим закон»⁵.

В условиях мировой пандемии коронавирусной инфекции применение института миграционной амнистии в отношении мигрантов (в частности, трудовых мигрантов), положение которых значительным образом ухудшила пандемия, представляется наиболее приемлемым средством в системе регулирования миграционной деятельности. В связи со сложившейся нестабильной экономической ситуацией и, как следствие этого, частичным или полным приостановлением деятельности многих предприятий, на которых трудилось большинство мигрантов, их финансовое состояние существенным образом ухудшилось.

В период пандемии вновь стал рассматриваться вопрос о возможности проведения административной амнистии, которая бы распространила свое действие на наиболее уязвимую в сложившихся условиях категорию лиц-мигрантов⁶. Тем более что п. 4 ст. 24.5, п. 1 ст. 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) прямо предусматривают последствия издания

¹ Иксанов И.С. Понятие и сущность // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 6–9.

² Президент России В. Путин на встрече с членами рабочей группы по подготовке поправок в Конституцию Российской Федерации. 3 июля. URL: <https://ria.ru/lenta/novosti/v-v-putin-rossiya-nuzhdaetsya-v-pritoke-novyh-grazhdan-nositelyah-russkogo-yazyka-i-russkoj-kultury.html>

³ Бувев М. Мигранты скорее конкурируют между собой. URL: <https://rg.ru/2020/04/27/ekonomist-maksim-buev-migranty-skoree-konkuriruiut-mezhdu-soboj.html>

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 704-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прошутинского Андрея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»».

⁶ Баршев В. Прощенная штрафная. Предложено простить гражданам штрафы по некоторым статьям КоАП. URL: <https://rg.ru/2020/05/07/v-gosdumu-vnesli-proekt-ob-amnistii-po-legkim-pravonarusheniim.html>

акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания, в виде: «невозможности начать производство по делу об административном правонарушении; прекращения начатого производства; прекращения исполнения постановления о назначении административного наказания судьей, должностным лицом, его вынесшим»⁷.

Россия входит в пятерку лидирующих стран в мире по численности приема различных категорий мигрантов. Из-за закрытия государственных границ из-за коронавирусной инфекции большинство мигрантов остались в России. И глава российского МОМ обратил внимание на то, что «универсальные права человека должны соблюдаться и в отношении мигрантов всех категорий»⁸.

В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 большинством государств мира, в том числе Российской Федерации, введены ограничительные меры относительно свободного перемещения через государственную границу, затронувшие, естественно, интересы мигрантов и хозяйствующих субъектов, использовавших их труд. Наряду с ограничением въезда были изменены правила относительно сроков пребывания и постановки на миграционный учет для уже присутствующих на территории России иностранцев и апатридов.

Указом Президента РФ от 23 сентября 2020 г. № 580 сроки временного пребывания, проживания иностранных граждан в России в связи с пандемией продлены по 15 июня 2021 г. Также продлевается действие мер, предусмотренных п. 1 и 2 Указа Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

Принятие данных актов представляет собой, на наш взгляд, особый вид миграционной амнистии — чрезвычайную амнистию, вызванную коронавирусной

инфекцией, которая явилась весьма эффективным средством в решении миграционных проблем, так как мигранты, получив возможность легального пребывания в течение определенного времени, имеют возможность воспользоваться правом для получения какого-либо правового статуса в России.

Таким образом, государство в лице МВД предоставило возможность легализоваться определенному числу иностранных граждан и лиц без гражданства, проявляя гуманизм и «входя в положение» мигрантов в непростой период борьбы с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

Необходимо констатировать тот факт, что периодически проводимые точечные миграционные амнистии в отношении граждан определенных государств носят политический характер.

Е.О. Бондарь, проанализировав прошедшие в России миграционные амнистии — в отношении граждан Молдовы — с 5 по 30 ноября 2014 г. и в марте 2017 г., граждан Таджикистана — с 24 марта по 27 апреля 2017 г., Кыргызстана — в период с 16 октября по 10 декабря 2018 г., а также с 22 марта 2019 г. по 22 апреля 2019 г., приходит к выводу, что «данное правовое явление имеет точечное действие в части профилактики административных правонарушений в сфере миграции и освобождения от наказания путем отмены введенных в действие законных ограничений на въезд в РФ»⁹. Указанный автор ссылается на то, что «следствием рассматриваемых процедур, реализуемых либо на основании личных договоренностей высших должностных лиц государств, либо в соответствии с приказами ведомства, координирующего работу в сфере миграции, явилось внесение изменений в федеральное законодательство»¹⁰.

Интересным является анализ судебной практики в рассматриваемой сфере.

Судебная практика в отношении исследуемой категории лиц различна. Позиция одних судов заключается в том,

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

⁸ URL: <https://kaluga-zaprava.ru/biblioteka/xf/federacija-migrantov-rossii-trudovaja-migracija-v-period-pandemii-itogi-2020-goda-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁹ Бондарь Е.О. Вопросы применения в Российской Федерации миграционной амнистии как инструмента регулирования миграционных процессов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения) (г. Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ, 2020. С. 78–83.

¹⁰ См.: Там же.

что суды не поддерживают апелляционные жалобы по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ в отношении иностранных граждан.

В частности, указывается на то, что «...хоть и мигранты были привлечены к ответственности в период проведения “миграционной амнистии” в рамках реализации киргизско-российских договоренностей, такого понятия, как “миграционная амнистия”, действующие положения КоАП РФ не предусматривают»¹¹.

В аналогичном решении суда указано, что «довод о неправомерности административного выдворения Зикирбаева К.А. по причине проводимой “миграционной амнистии” для граждан Киргизской Республики является необоснованным. Действующие в период рассмотрения настоящего дела нормативные правовые акты, регулирующие порядок пребывания, проживания иностранных граждан в РФ, не содержат исключений, в силу которых к гражданам Киргизской Республики не может быть применено административное наказание в виде административного выдворения за пределы РФ»¹².

Правоприменительный акт с похожим содержанием: «Доводы жалобы об отсутствии в действиях Самсон Л. состава административного правонарушения в связи с соблюдением последней условий “миграционной амнистии” основаны на неверном толковании закона, поскольку суд при вынесении решения руководствуется нормами права, регулирующими спорные правоотношения, в данном случае федеральными законами № 115-ФЗ от 25.07.2002, № 114-ФЗ от 15.08.1996, изменения в которые, в части соблюдения режима пребывания (проживания) в РФ граждан Республики Молдова, не вносились»¹³.

Еще один пример: «Доводы жалобы о необходимости применения в отношении Бокиева П.Б. миграционной амнистии в отношении граждан <данные изъяты> не могут служить основанием для отмены постановления судьи районного суда,

поскольку в настоящее время законодательством не предусмотрено освобождение граждан <данные изъяты> от административной ответственности по ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ»¹⁴.

Имеется и противоположная судебная практика, в частности, апелляционные суды ряда субъектов признают обоснованными доводы жалоб о том, что «основания, по которым были приняты оспариваемые решения, отпали на основании миграционной амнистии»¹⁵. В частности, из материалов дела следует, что Токтосинов Д.А., гражданин Киргизии, покинул территорию Российской Федерации 15 марта 2019 г., то есть до 22 апреля 2019 г.

Для граждан Киргизии миграционная амнистия объявлялась в период с 16 октября по 10 декабря 2018 г., а также с 22 марта 2019 г. по 22 апреля 2019 г. Объявление миграционной амнистии предоставляет возможность гражданам Киргизии, имеющим 2 и более привлечения к административной ответственности, возможность покинуть территорию России до 22 апреля 2019 г. и вернуться после указанной даты. В случае выезда до указанной даты все основания для постановки запрета на въезд должны аннулироваться.

Таким образом, два постановления о привлечении к административной ответственности, послужившие основанием для принятия решения об аннулировании вида на жительство и установлении запрета на въезд в Россию, в связи с миграционной амнистией подлежали аннулированию. Отсутствие оснований для принятия оспариваемых решений свидетельствует об их незаконности.

«На основании изложенного судебная коллегия полагает возможным отменить состоявшееся решение суда первой инстанции как вынесенное с неправильным определением обстоятельств, имеющих значение для дела (ч. 2 ст. 310 Кодекса административного судопроизводства РФ), и принять по делу новое решение, которым административные иски требования Токтосинова Д.А. удовлетворить, отменить решение миграционного пункта ОМВД России по Мегино-Кангаласскому району

¹¹ Решение Московского городского суда от 16 мая 2019 г. по делу № 7-5271/2019 // СПС ГАРАНТ.

¹² Решение Камчатского краевого суда от 19 декабря 2018 г. по делу № 7-212/2018 // СПС ГАРАНТ.

¹³ Постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 5 сентября 2019 г. № 4А-749/2019 по делу № 4А-749/2019. URL: <https://sudact.ru/>

¹⁴ Решение Челябинского областного суда от 12 декабря 2019 г. № 12-914/2019 по делу № 12-914/2019 // СПС ГАРАНТ.

¹⁵ Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2019 г. по делу № 33а-2485/2019 // СПС ГАРАНТ.

от 23.04.2019 о закрытии въезда в Российскую Федерацию и решение Министерства внутренних дел РС(Я) от 19.02.2019 об аннулировании гражданину Республики Кыргызстан Токтосинову Д.А. ранее выданного вида на жительство»¹⁶.

В ряде случаев суды учитывали институт миграционной амнистии в качестве условия освобождения от ответственности, в частности: в решении Калининградского областного суда указано, что «Федосова Е.Б. руководствовалась информацией с официального сайта Посольства Кыргызской Республики в Российской Федерации, приняла необходимые меры для выполнения требований миграционного законодательства Российской Федерации, что исключает наличие ее вины в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 КоАП РФ»¹⁷. Кроме того, «Федосова Е.Б. при рассмотрении жалобы объяснила, что не выехала вовремя за пределы Российской Федерации в связи с тем, что ухаживала за больным супругом, кроме того, она руководствовалась информацией об объявленной и впоследствии продленной до 22 апреля 2019 года миграционной ам-

нистии для граждан Кыргызской Республики. А также представила документ, из которого следует, что 16 апреля 2019 года она была поставлена на регистрационный учет сроком до 10 июля 2019 года».

В заключение необходимо акцентировать внимание на том, что предусмотренные различные виды юридической ответственности за нарушение миграционного законодательства в современных условиях представляют собой эффективное средство в механизме обеспечения национальной безопасности России. Одновременно с этим анализ правоприменительной практики показывает, что имеется ряд сложностей в понимании и применении института миграционной амнистии.

Миграционная амнистия как институт правоохранительной деятельности, к сожалению, на законодательном уровне не закреплен. Это обуславливает отсутствие единой судебной практики, правового регулирования порядка проведения и содержания соответствующих мероприятий, а также полномочий какого-либо государственного органа или должностного лица на принятие решений по организации процедур по реструктуризации правового статуса иностранных граждан.

Проведение миграционной амнистии в целях регулирования миграционных потоков в условиях пандемии коронавируса представляет собой эффективное правовое средство.

¹⁶ Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2019 г. по делу № 33а-2485/2019 // СПС ГАРАНТ.

¹⁷ Решение Калининградского областного суда от 16 мая 2019 г. № 12-174/2019 по делу № 12-174/2019 // СПС ГАРАНТ.

Литература

1. Баршев В. Прощенная штрафная. Предложено простить гражданам штрафы по некоторым статьям КоАП / В. Баршев // Российская газета. 2020. 7 мая.
2. Бондарь Е.О. Вопросы применения в Российской Федерации миграционной амнистии как инструмента регулирования миграционных процессов / Е.О. Бондарь // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения) (г. Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.) / ответственный редактор А.И. Каплунов. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2020. С. 78–83.
3. Выжutowич В. Мигранты создают рабочие места. Экономист Максим Був: Мигранты скорее конкурируют между собой / В. Выжutowич // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. 27 апреля.
4. Иксанов И.С. Понятие и сущность / И.С. Иксанов // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 6–9.
5. Мосеева-Элье Л. Федерация мигрантов России: «Трудовая миграция в период пандемии. Итоги 2020 года. Проблемы и перспективы» / Л. Мосеева-Элье // За права человека. Калужское региональное общественное движение. 2021. 11 февраля.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. 938 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2021-12-41-45

Обжалование извещений органов ЗАГС об отказе в совершении регистрационных и иных юридически значимых действий при осуществлении судебного контроля в гражданском и административном судопроизводстве

Лобурев Сергей Никитович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
ser-loburev@yandex.ru

Для целей разграничения видов извещений об отказе в совершении государственной регистрации актов гражданского состояния или иных юридически значимых действий, выносимых органами ЗАГС, и последующего определения надлежащей процессуальной формы обращения заявителей в суд для их преодоления в статье предложена авторская классификация отказов-извещений. Автор подразделяет их на четыре группы, где первые две группы связаны с компетенцией органов ЗАГС, две другие — с дефектами действий заявителей.

Ключевые слова: судебный контроль, извещения органов ЗАГС, компетенция, особое производство, акты гражданского состояния.

Appeal of Notifications from Civil Registry Offices about the Refusal to Perform Registration and Other Legally Binding Actions in Carrying out of Judicial Control in Civil and Administrative Proceedings

Sergey N. Loburev
Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

For the purpose of differentiating the types of notifications of refusal to perform state registration of acts of civil status or other legally significant actions taken by the registry office, and the subsequent determination of the proper procedural form of applicants' appeal to the court to overcome them, the article proposes the author's classification of refusals-notifications. The author divides them into four groups, where the first two groups are associated with the competence of the registry office, the other two — with the defects of the applicants' actions.

Keywords: judicial control, notifications of the registry office, competence, special proceedings, acts of civil status.

Все органы, осуществляющие регистрационные и удостоверяющие действия, обладают возможностью не производить определенные действия с объяснением причин заявителю в письменном документе — мотивированном отказе, если действия, о которых спрашивает заявитель, будут противоречить требованиям законодательства.

У нотариусов — это постановление об отказе в совершении нотариального действия (ст. 48 Основ законодательства о нотариате)¹.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) выдает сообщения об отказе в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав².

Федеральная налоговая служба в части осуществления государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности — решение об отказе в государственной регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя, в государственной

¹ См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 1993. 13 марта.

² См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации недвижимости». Ст. 27 // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

регистрации изменений и дополнений в учредительные документы юридических лиц³.

И наконец, у органов ЗАГС этим документом является извещение об отказе.

Несмотря на различное обозначение и особенности правоотношений в каждой из указанных областей, в целом отказы этих органов имеют общую правовую сущность:

- просьба заявителя выходит за рамки полномочий этих органов;
- заявителем не соблюдены определенные требования, установленные в законе, реализация просьбы заявителя этим органом приведет к нарушению норм права;
- заявители имеют право обжаловать отказ в вышестоящей организации или в суде.

Статья 11 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁴ (далее — Закон об АГС) закрепляет всего два основания к вынесению отказа органами ЗАГС в регистрации актов гражданского состояния (далее — АГС).

1) государственная регистрация противоречит Закону об АГС;

2) документы, представленные на государственную регистрацию, не соответствуют требованиям, предъявляемым к ним Законом об АГС, и иным нормативно-правовым актам.

Данные положения закона исключают какую-либо спорность в правоотношениях граждан и органов ЗАГС, поскольку приказом Минюста России⁵

утверждена форма № 14 извещения об отказе (далее по тексту — отказ), в соответствии с которой отказы органов ЗАГС в зависимости от вида обращений заявителя подразделяются на три группы:

1) в государственной регистрации АГС — данный отказ оспаривается в рамках искового производства гражданского судопроизводства⁶;

2) во внесении изменений в запись АГС — рассмотрение дела по существу возможно только по правилам гл. 36 ГПК РФ — в особом производстве, изменения носят специальный характер, и рассмотрение дел указанной категории на основании Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ) будет незаконным;

3) в выдаче документа о государственной регистрации АГС (данный отказ оспаривается в административном судопроизводстве в рамках гл. 22 КАС РФ).

Несмотря на то что целью принятия указанного приказа Минюста России являлось не осуществление разграничения процессуальной формы, в порядке которой заявитель (истец, административный истец) может обратиться за защитой своих прав и законных интересов в суд, исходя из правовой природы отказов органов ЗАГС, это фактически предопределяет данный момент.

Понимание разграничения процессуальной формы для заявителя имеет важное практическое значение, поскольку от правильного ее выбора зависит не только отсутствие отказа суда в принятии заявления, но и правильность и быстрота рассмотрения и разрешения дела с участием органов ЗАГС.

Процессуальное законодательство не содержит в настоящий момент детального разграничения компетенции по рассмотрению судами общей юрис-

³ См.: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Ст. 23 // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

⁴ См.: Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. № 224.

⁵ См.: Приказ Минюста России от 1 октября 2018 г. № 200 «Об утверждении форм справок и иных документов, подтверждающих наличие или отсутствие фактов государственной регистрации актов гражданского состояния, и Правил заполнения форм справок и иных документов, подтверждающих наличие или отсутствие фактов государственной регистрации актов гражданского состояния» (зарегистрировано в

Минюсте России 02.10.2018 № 52299) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2018).

⁶ См.: Письмо Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 «О направлении информации по категориям гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в исковом порядке» // СПС ГАРАНТ.

дикции исковых (гражданских и административных) дел в сфере регистрации АГС, что приводит к противоречивой судебной практике, не способствующей эффективной защите прав граждан.

Попытка устранения данной проблемы иными нормативными актами, помимо федерального закона, в том числе актами Верховного Суда Российской Федерации⁷, противоречит Конституции Российской Федерации, так как процессуальное законодательство находится в ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации)⁸.

Отказы в государственной регистрации АГС можно рассматривать как индивидуальный ненормативный акт органа власти.

И.М. Лазарев рассматривает индивидуальные (административные) акты как юридическую форму реализации административных процедур, являющихся письменными документами органа исполнительной власти, актами персонального характера, рассчитанными на однократное либо иное ограниченное применение и устанавливающими, изменяющими или отменяющими правовые отношения, возникающие в сфере реализации прав и обязанностей не подчиненных ему конкретных граждан или организаций⁹.

Если систематизировать все категории отказов органов ЗАГС, то в зависимости от действий органов ЗАГС их можно подразделить на четыре группы, где первые две группы связаны с право-

мочиями органов ЗАГС, две другие — с действиями заявителей.

1. Первая группа отказов связана с пределами компетенции органов ЗАГС, разграниченной законодателем между органами ЗАГС и судебными органами, но в пределах подобного разграничения каждый из них обладает полноправной компетенцией.

В этом случае органы ЗАГС предлагают заявителю обратиться в иные органы, обладающие соответствующей компетенцией (вышестоящие инстанции, суд). Эта группа является самой многочисленной по сравнению с другими группами отказов и наиболее перспективна для обжалования, поскольку законодателем изначально заложены намеренный предел в полномочиях регистрирующего органа и преодоление этого отказа в судебных органах.

Также пределы компетенции органов ЗАГС связаны со спецификой деятельности органов ЗАГС, фиксирующих АГС, — бесспорные факты, только при недостаточности подтверждающих их документов или при наличии спора о праве, законном интересе дело может быть рассмотрено в судебных органах. Такие отказы могут рассматриваться в настоящий момент в исковом и особом производстве в порядке ГПК РФ¹⁰.

2. Второй группой отказов органов ЗАГС могут являться незаконные действия (бездействие) органов ЗАГС в отношении обращений заявителей, связанных с ошибочной трактовкой правовых норм, служебным мнением, иным заблуждением органов ЗАГС, приводящим к необоснованным отказам (дефект правоприменения).

Дела о признании незаконными отказов органов ЗАГС в совершении регистрационных действий подлежат рассмотрению в исковом порядке гражданского судопроизводства, а в совершении иных юридически значимых действий — в административном судопроизводстве.

⁷ Согласно ответам от 26 июля 2021 г. № 8950 председателя Королевского городского суда Московской области и от 26 августа 2021 г. № 1-3128 заместителя председателя Московского городского суда на обращения Лобурева С.Н.; Письмо Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 применяется судами по настоящее время. Документы опубликованы не были, архив автора.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

⁹ См.: Лазарев И.М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.

¹⁰ См., например, решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 25 апреля 2016 г. по делу № 2-945/2016 (2-6879/2015;) ~ М-6586/2015. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Например, отказ органов ЗАГС в данной группе может быть связан с требованием уплаты государственной пошлины, истребованием дополнительных документов, не предусмотренных законодательством. Подобный отказ должен быть признан судом незаконным. Необходимо подчеркнуть, что суды достаточно редко признают подобные отказы органов ЗАГС незаконными, так как органы ЗАГС находятся под неустанным контролем вышестоящих организаций (по общему правилу Главного управления ЗАГС субъекта Федерации и территориальных органов Минюста России), поэтому доля ошибок органов ЗАГС сведена к минимуму.

Судебная практика судов общей юрисдикции Красноярского и Хабаровского краев, Амурской области, Воронежской области, г. Санкт-Петербурга демонстрирует единичные случаи признания отказов отделов ЗАГС незаконными¹¹, автору пришлось приложить немалые усилия, для того чтобы найти такие случаи (в 98% подобных дел из 40 изученных решений суды отказывают в удовлетворении требований административных истцов к отделам ЗАГС о признании отказов отделов ЗАГС незаконными).

3. Третья группа отказов органов ЗАГС связана с несоблюдением заявителями материальных норм права, необходимых для регистрации АГС и (или) совершения иных юридически значимых действий, предписывающих заявителям совершать определенные действия. Например, не произведена уплата государственной пошлины, не представлены иные документы, необходимые для государственной регистрации АГС (дефект действий заявителя). Перспектива обжалования данной группы отказов наименьшая, поскольку условия государственной

регистрации АГС и иных юридических действий четко сформулированы в законодательстве. Подобные отказы, вынесенные органами ЗАГС, обжалуются в административном судопроизводстве.

Так, заявитель обратился в суд с заявлением о признании незаконным, создающим препятствие для реализации конституционного права решения руководителя Ачинского территориального отдела ЗАГС. Кроме того, заявитель просил обязать руководителя отдела ЗАГС освободить его от уплаты государственной пошлины в размере 400 руб. за дооформление записи о расторжении брака на основании решения суда (первоначально в отдел ЗАГС обращалась бывшая супруга).

В связи с непредставлением доказательств уплаты государственной пошлины отделом ЗАГС было отказано заявителю в совершении юридически значимых действий.

Суд при рассмотрении дела не усмотрел законных оснований для удовлетворения заявления, поскольку руководителем Ачинского территориального отдела ЗАГС никакие конституционные права истца не были нарушены. Требования об уплате государственной пошлины за выдачу свидетельства о расторжении брака являлись законными и обоснованными. Размер государственной пошлины установлен Налоговым кодексом Российской Федерации (ст. 333.26) и в данном случае не может быть изменен единоличным решением руководителя Ачинского территориального отдела ЗАГС.

Судом отказано в удовлетворении требований заявителя о признании незаконным решения руководителя Ачинского территориального отдела ЗАГС¹².

4. Четвертая группа отказов органов ЗАГС связана с заблуждением заявителя, что он имеет право требовать от органов ЗАГС совершения определенных действий (бездействия), которые не входят в сферу полномочий органов ЗАГС.

¹¹ См., например, решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 г. по делу № 2а-5572/18. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.03.2020); Апелляционное определение Воронежского областного суда от 15 сентября 2016 г. по делу № 33-5418/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Решение Ачинского городского суда Красноярского края от 31 августа 2010 г. по делу № 2-2969 (2010). URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Результатом рассмотрения данного отказа служит последующий отказ вышестоящего административного органа или суда (дефект в правоприменении заявителя). Такие отказы обжалуются в административном судопроизводстве¹³.

Некоторые группы отказов могут пересекаться между собой и одновременно являться причинами отказа. Например, третья группа (заявителем не представлены соответствующие документы для государственной регистрации АГС) может пересекаться со второй группой (органы ЗАГС превышают собственные полномочия по истребованию от заявителя определенного документа, который не предусмотрен к истребованию правовыми нормами). В данном примере отказ органа ЗАГС должен быть преодолен и признан незаконным. Четвертая группа отказов (заблуждение заявителя, что орган ЗАГС может совершить определенное действие) может пересекаться с первой группой отказов (предел компетенции органов ЗАГС). В последнем примере отказ является законным, но преодоление предельной компетенции органа ЗАГС является прерогативой судебных органов. Возможны и пересечения других групп, но, по нашему мнению, в «чистом» виде не должны пересекаться причины отказов из групп органов ЗАГС (первая группа отказов — «пределы полномочий» и вторая группа — «ошибочность действий») и причины отказов групп заявителей (третья группа — «не совершает» и четвертая группа — «заблуждается») между собой. Напротив, если допуск этих

условий не строгий, возможно пересечение и этих групп, например, орган ЗАГС может ошибаться в том, что у него по определенному вопросу предел полномочий, и не предпринимать определенных действий (бездействие), или заявитель заблуждается и из-за этого не совершает определенные действия, для того чтобы государственная регистрация органом ЗАГС была произведена.

Необходимо отметить, что обжалование отказа в суд является правом, а не обязанностью заявителя, далеко не все отказы обжалуются. Часть заявителей, которым выдан отказ органом ЗАГС, соглашаются с основаниями, указанными в них, предположительно считая их законными, другая часть заявителей не решает вступить в противоборство с органом власти в суде и связанные с этим разбирательством тяготы, даже если считают отказ органов ЗАГС предположительно незаконным и нарушающим их права и законные интересы, и только третья часть заявителей обжалует отказ в суде.

Если все-таки отказ обжалуется в вышестоящий орган или в суд, то этот орган обязан определить правовую природу отказа, одну или несколько причин, по которым выдан отказ. Причины отказов могут налагаться друг на друга — дефект действий регистрационного органа и (или) заявителя.

Извещение об отказе органов ЗАГС, вынесенное по любой из вышеназванных групп отказов, по нашему мнению, не является основанием к возникновению предполагаемого спора о праве (гражданского или административного) между заявителем и органом ЗАГС. Поэтому предпочтительным порядком рассмотрения таких дел является особое производство гражданского судопроизводства.

¹³ См., например: Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Московского областного суда от 30 января 2017 г. по делу № 33а-3275/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Литература

1. Лазарев И.М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.М. Лазарев. Москва, 2002. 20 с.

Организация судебной деятельности в условиях пандемии: итоги и перспективы

Орлов Александр Владимирович,
председатель Арбитражного суда Центрального округа,
кандидат юридических наук
info@fasco.arbitr.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением правосудия в период пандемии, анализируются меры по противодействию распространению коронавирусной инфекции (COVID-19), принятые для организации деятельности судов. Автором в этом контексте обсуждается возможность применения систем искусственного интеллекта в судах в процессе работы с делами и документами.

Ключевые слова: пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), судопроизводство, эффективное правосудие, искусственный интеллект, веб-конференция, правосудие онлайн.

Organization of Judicial Activities in the Conditions of the Pandemic: Results and Prospects

Aleksandr V. Orlov
Presiding Judge of the Commercial Court of the Central District
PhD (Law)

The article deals with problematic issues related with justice of creation appropriate in conditions of measures to counteract spread of a new coronavirus infection (COVID-19), undertaken to organise the activities of the courts. The author discusses in this context application option of systems artificial intelligence in courts in the process of dealing with cases and documents.

Keywords: coronavirus pandemic (COVID-19), proceedings, access to justice, artificial intelligence, effective justice, web-conference, justice online.

В условиях стремительного распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в конце 2019 г. — начале 2020 г., оказавшей влияние на все сферы жизни нашего общества, серьезному испытанию на прочность подверглась отечественная судебная система, обеспечивающая реализацию в процедуре правосудия права на судебную защиту, не подлежащего наряду с другими фундаментальными правами ограничению в силу положений ст. 56 Конституции Российской Федерации.

Благодаря своевременно принятым со стороны руководства Верховного Суда Российской Федерации мерам по оптимизации алгоритма деятельности судов в тяжелый период распространения инфекции и каждодневному добросовестному исполнению обязанностей на рабочих местах судьями и сотрудниками аппаратов судов российская судебная система в период пандемии, когда работа судов большинства европейских стран была приостановлена, действовала бес-

перебойно, защищая права граждан и интересы общества и государства. Работа судебной системы получила высокую оценку со стороны Президента Российской Федерации В.В. Путина в его выступлении 9 февраля 2021 г. на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, посвященном итогам работы в 2020 г. и задачам на 2021 г.¹

В свете произошедших событий позволим себе высказать мнение о том, что настал момент, когда необходимо провести детальный анализ совершившихся в предшествующий период времени действий по организации судебной работы на местах в целях противодействия распространению инфекции, что сейчас, когда ситуация в этом вопросе стабилизировалась, крайне важно, поскольку позволит на будущее выработать рекомендации для дальнейшего повыше-

¹ См.: URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/29655

ния эффективности отправления правосудия.

На территории Калужской области постановлением Правительства Калужской области от 17 марта 2020 г. № 200² с 17 марта 2020 г. был введен режим повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы Калужской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, предусматривающий в числе прочих требований обязательное соблюдение социального дистанцирования, использование средств индивидуальной защиты органов дыхания в местах массового пребывания людей, действие которого в последующем неоднократно продлено.

Арбитражным судом Центрального округа в течение 2020–2021 гг. в соответствии с требованиями указанного постановления, а также поступавших в суд документов Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации незамедлительно принимались меры, направленные на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Начиная с марта 2020 г. в необходимых объемах судьи и работники аппарата суда были обеспечены медицинскими одноразовыми масками и перчатками, средствами для дезинфекции рук.

Во всех залах судебных заседаний установлены ультрафиолетовые бактерицидные облучатели — рециркуляторы для обеззараживания воздуха, функционирующие во время проведения процессов.

Организована каждодневная двухразовая влажная уборка помещений общего пользования и дезинфекция дверных ручек, поручней, перил, контактных поверхностей. Для обработки помещений

использован аэрозольный генератор холодного тумана.

О необходимости соблюдения правил личной и общественной гигиены, недопустимости нахождения на рабочем месте с признаками респираторных заболеваний и о порядке самоизоляции на дому коллектив суда неоднократно проинформирован: 7 февраля, 13 и 25, 26 марта, 18 мая 2020 г.

Вопросы организации деятельности в условиях принимаемых мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), обсуждались на заседаниях президиума Арбитражного суда Центрального округа 12 мая, 1, 25 июня, 14 декабря 2020 г., 14 января, 9 сентября 2021 г. Принятые по ним решения доведены до сведения судей и работников аппарата суда.

На официальном сайте суда в сети Интернет 19 марта, 8 и 30 апреля 2020 г. размещена информация об ограничениях, вводимых в связи с противодействием распространению инфекции, затрагивающих отдельные вопросы рассмотрения дел, подачи документов, доступа в суд. Мы постарались быть максимально прозрачными в вопросах принимаемых мер в борьбе с инфекцией, дать участникам процесса сведения, которые бы позволили им планировать свою работу, избежать лишних поездок в ситуации пандемии, проявили уважение к людям. Заметим, что это принесло свои плоды: абсолютное большинство предпринимателей и представителей юридических лиц с момента введения ограничительных мер выполняют предъявляемые требования к поведению в суде, с пониманием относятся к необходимости соблюдать временные ограничения, вводимые в период пандемии, что является показателем доверия граждан к суду, свидетельствует о реализации на практике задачи, поставленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным перед судебским корпусом, по укреплению доверия общества к судебной системе.

С 26 марта 2020 г. при входе в здание суда у судей, сотрудников суда и работников обслуживающих организаций, а также лиц, участвующих в судебных процессах, измеряется температура, предоставлена возможность обработки рук кожными антисептиками.

² См.: Постановление Правительства Калужской области от 17 марта 2020 г. № 200 «О введении режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы Калужской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4000202003200004>

В целях сокращения числа лиц, одновременно находящихся в здании суда, судьями 4, 5, 6-го судебных составов назначаются дела к рассмотрению с 9 до 13 часов, а с 14 до 18 часов — судьями 1, 2, 3-го судебных составов.

Арбитражным судом Центрального округа за период 2020 г. и три квартала 2021 г. более 30% дел рассмотрено с использованием систем видео-конференц-связи.

Вышеуказанные действия позволили свести к минимуму число случаев заболевания судей и сотрудников аппарата нашего суда новой коронавирусной инфекцией.

Справедливости ради надо заметить, что не выпустить ситуацию с распространением болезни из-под контроля позволили не только принятые санитарно-эпидемиологические меры, но и своевременно начатая активная вакцинация судей, сотрудников аппарата суда, судебных приставов и работников обслуживающих организаций, задействованных в суде, а также членов их семей, проводимая при содействии медицинских учреждений под эгидой Министерства здравоохранения Калужской области.

В непростых условиях пандемии деятельность Арбитражного суда Центрального округа не прекращалась ни на один день. И в период нерабочих дней, объявленных в соответствии с указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», судьи и сотрудники аппарата суда, переведенные на дистанционную форму работы, выполняли необходимые действия, направленные на создание условий для своевременного и правильного рассмотрения дел, находящихся в производстве суда.

Большим подспорьем в работе суда по рассмотрению дел стали обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 и 30 апреля 2020 г., 17 февраля 2021 г.³, позволившие разрешить многие проблемные ситуации в применении законодательства в период пандемии.

Приобретенный опыт в борьбе с новой коронавирусной инфекцией показывает, что снизить число заражений при рассмотрении дел в судах инфекцией, передающейся воздушно-капельным и контактным путями, можно как за счет принятия санитарно-эпидемиологических мер, проведения вакцинации, так и за счет использования судами технологий, которые помогают сторонам эффективно и безопасно для здоровья разрешить дело без необходимости фактического нахождения в суде.

Полностью разделяем предложения, высказанные участниками прошедшего 30 сентября 2021 г. XI Международного юридического форума стран Азиатско-Тихоокеанского региона, организованного Верховным Судом Российской Федерации⁴, о необходимости совершенствования системы электронной системы подачи документов в суд и создания условий для возможного участия всех

³ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.2020) // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5; Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020) // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 6; Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.02.2021) // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 4.

⁴ См.: URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30394

заинтересованных лиц в дистанционном слушании дел.

В этой связи видится правильным и своевременным внесение на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона, допускающего участие в судебном заседании всех заинтересованных лиц в арбитражных судах путем использования систем веб-конференции⁵.

Ввод в эксплуатацию суперсервиса «Правосудие онлайн», позволяющего гражданам через личный кабинет дистанционно подавать в электронном виде иски, заявления или жалобы, получать информацию о судебных заседаниях, участвовать в процессах с использованием технологии веб-конференции из офисов и жилых помещений, а также получать копии судебных актов, о работе над которыми неоднократно упоминал в своих выступлениях Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев⁶, безусловно благотворно скажется на снижении заболеваемости среди участников судебных заседаний.

Поддерживаем доводы В.В. Яркова⁷, А.В. Потеевой⁸, И.М. Шевченко⁹ о том, что процедура проведения судебных онлайн-процессов, которая создает дополнительные гарантии реализации права на доступ к суду для участвующих в деле лиц, требует детальной регламентации в нормах законодательства.

В.В. Момотовым¹⁰, И.В. Решетниковой¹¹ безусловно верно отмечено, что

будущее суда неразрывно связано с использованием систем искусственного интеллекта, которые позволят максимально упростить рассмотрение ряда категорий так называемых «бесспорных» дел, и добавим от себя, что не менее важно, — переложат на технику исполнение большинства рутинных операций, выполняясь до этого человеком, что снизит риски распространения инфекционных заболеваний в процессе работы.

Постановлением президиума Арбитражного суда Центрального округа от 9 апреля 2021 г. была создана рабочая группа, включающая судей и специалистов суда, для изучения возможностей применения технологий искусственного интеллекта в целях повышения эффективности обработки, анализа и систематизации данных информационных систем суда, используемых для формирования единообразия судебной практики, организации судебной работы.

Полученные рабочей группой, проанализировавшей в том числе публикации последних лет по указанной тематике, результаты дают основания для вывода о том, что в настоящее время в целом ряде стран уже существует первичное регулирование применения искусственного интеллекта и робототехники при осуществлении правосудия, тогда как целостная, четкая и зафиксированная документально отечественная концепция интеграции искусственного интеллекта в судебную систему отсутствует, что в принципе препятствует продуктивной разработке отдельных направлений по этой тематике.

Полагаем необходимым обозначить некоторые проблемы, связанные с интеграцией искусственного интеллекта в судебную систему, затрагивающие вопросы совершенствования судопроизводства, кадрового обеспечения судебной деятельности, информационной открытости деятельности по отправлению правосудия, которые, по нашему мнению, заслуживают широкого обсуждения в судебном сообществе, поскольку принятые по ним решения на долгую перспективу определяют возможные пути использования результатов применения искусственного интеллекта в процессе деятельности судов.

На наш взгляд, необходимо дать ответы на вопросы о том, допустимо ли

⁵ См.: Законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7>

⁶ См.: URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/30382

⁷ Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3–6.

⁸ Потеева А.В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки // Арбитражные споры. 2021. № 2. С. 65–72.

⁹ Шевченко И.М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы // Российский судья. 2020. № 10. С. 7–12.

¹⁰ URL: <http://www.ssf.ru/news/vystupleniia-interviu-publikatsii/42272>

¹¹ Решетникова И.В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность // Судья. 2021. Июль. С. 57–62.

применение, и если да, то в какой мере, в судебной системе на современном этапе ее развития отечественных технологий в области систем искусственного интеллекта для принятия юридически значимых решений, обобщения и унификации судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов, актуализации баз данных ГАС «Правосудие», АИС «Судопроизводство», АИС «Картотека арбитражных дел». Также требуется определить пределы использования информации о деятельности судов для машинного обучения систем искусственного интеллекта в целях соблюдения требований федеральных законов от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Необходимо установить критерии безопасности систем искусственного интеллекта, планируемых к применению в судах, требования к их сертификации и меры ответственности разработчиков этих систем за нарушения прав граждан и организаций.

Полагаем, что так же, как подвергается анализу со стороны международных организаций отечественное законодательство, регулирующее судопроизводственные процедуры, будут подвергнуты тщательному изучению используемые в судебной системе средства, основанные на искусственном интеллекте, на предмет их соответствия базовым ценностям в области прав и свобод человека, предусмотренных нормами международного права. Для того чтобы избежать претензий в этой области со стороны международных организаций, создать необходимые условия для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе, уже на стадии разработки предполагаемых для ис-

пользования в отечественной судебной системе инструментов, основанных на искусственном интеллекте, должны учитываться положения европейского и отечественного законодательства в области основных прав и свобод человека. Задачи для разработчиков таких инструментов должны ставиться судом, и под контролем суда осуществляться приемка результатов работ на предмет возможностей их практического использования, исключая в том числе бесконтекстные анализ или использование обрабатываемой информации.

Мы уже сегодня предлагаем в целях разработки экспериментального правового режима организовать на базе окружного арбитражного суда под руководством Верховного Суда Российской Федерации в тестовом режиме площадку по внедрению технологий искусственного интеллекта в систему арбитражных судов в целях последующего практического применения полученных результатов и внесения предложений по изменению законодательства.

Говорят, что лучшие ответы на все вопросы дает время. По итогам анализа событий прошедшего периода можно смело сделать вывод о том, что судебная система уверенно преодолела трудности, возникшие в период пандемии. В завершение поблагодарим за оказанную со стороны Верховного Суда Российской Федерации помощь в решении возникших в деятельности Арбитражного суда Центрального округа непростых вопросов, связанных с преодолением последствий распространения новой коронавирусной инфекции, Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева, судей Верховного Суда Российской Федерации и сотрудников Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Литература

1. Потеева А.В. Дистанционные способы участия в судебном заседании: преимущества и недостатки / А.В. Потеева // Арбитражные споры. 2021. № 2. С. 65–72.
2. Решетникова И.В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность / И.В. Решетникова // Судья. 2021. № 7 (127). С. 57–62.
3. Шевченко И.М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы / И.М. Шевченко // Российский судья. 2020. № 10. С. 7–12.
4. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях дери-туализации и дематериализации правосудия / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3–6.

Ограничение права собственности в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации

Небратенко Ольга Олеговна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
onebratenko@yandex.ru

Право собственности не является абсолютным, несмотря на свой естественный и неотчуждаемый (в конституционно-правовом смысле) характер. Ограничения публичной и частной собственности закрепляются на различных уровнях регламентации: международном и внутригосударственном, конституционном и отраслевом, напрямую (в форме запретов) (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) либо через установление декларативных предписаний (ст. 7, 9 Конституции РФ). Особая роль в установлении пределов ограничения прав человека и гражданина принадлежит Конституционному Суду РФ, который посредством судебной интерпретации выявляет, а впоследствии конкретизирует новое содержание правовых положений об ограничении права собственности. Судебное усмотрение Конституционного Суда РФ сводится к поиску разумного соотношения между принципами неприкосновенности собственности, рыночной экономики, с одной стороны, и общими интересами и принципами социального государства — с другой. Такое соотношение в деятельности российского органа конституционного правосудия находит выражение в развитии доктрины оптимального баланса частного и публичного интересов.

Ключевые слова: право собственности, ограничения, Конституционный суд, частные и публичные интересы, общие интересы, принципы социального государства.

Restriction of the Property Right in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation

Olga O. Nebratenko

Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The right of ownership is not absolute, despite its natural and inalienable (in the constitutional and legal sense) nature. Restrictions on public and private property are fixed at various levels of regulation: international and domestic, constitutional and sectoral, directly (in the form of prohibitions) (Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation), or through the establishment of declarative prescriptions (Articles 7, 9 of the Constitution of the Russian Federation). A special role in establishing the limits of the restriction of human and civil rights belongs to the Constitutional Court of the Russian Federation, which, through judicial interpretation, identifies and subsequently concretizes the new content of legal provisions on the restriction of property rights. The judicial discretion of the Constitutional Court of the Russian Federation is reduced to finding a reasonable balance between the principles of inviolability of property, market economy, on the one hand, and the common interests and principles of the welfare state, on the other. This correlation in the activities of the Russian constitutional justice body finds expression in the development of the doctrine of the optimal balance of private and public interest.

Keywords: property rights, restrictions, the Constitutional Court, private and public interests, general interests, principles of the social state.

Ограничение права собственности не может осуществляться произвольно, без наличия четко прописанных законодателем оснований. Основанием уменьшения содержания прав и свобод прежде всего являются положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие условия такого сокращения: 1) наличие цели — защита основ конституци-

онного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55); 2) нельзя нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17).

Что касается юридического значения термина «ограничение», то с его помощью обычно устанавливаются пределы

свободы человека. Юридической науке известно большое многообразие дефиниций правовых ограничений. Наибольшее распространение получили следующие трактовки термина «ограничение»: «правовое сдерживание противозаконного деяния»¹, «совокупность правовых средств, устанавливающих объем и границы конституционного права и свободы»². Выявляя имплицитный смысл при истолковании понятия «ограничение», на первый план выходит неизбежность установления пределов (границ, рамок) юридического сдерживания права, а параллельно с этим — уменьшение, сокращение прав³. Следует поддержать близкую высказанной точке зрения позицию профессора С.С. Алексеева, утверждающего, что ограничение — это вопрос об объеме регулирования и границах имеющихся у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования⁴.

В качестве ориентиров установления пределов ограничений могут выступать конституционные основы (принципы), изложенные преимущественно в гл. 1 Конституции Российской Федерации «Основы конституционного строя»: провозглашение социального государства (ст. 7), провозглашение земли как основы жизни и деятельности народов (ст. 9). Именно социальное государство представляет весь народ России, без учета экономических, политических, территориальных, национальных и иных особенностей. Принципы социального государства являются теми ориентирами, в рамках которых справедливо допускается ограничение субъективных прав. В статье 8 Конституции РФ закрепляется норма-гарантия о единстве экономического пространства, свободе экономической деятельности и т.д. Наличие положений о социальном государстве и свободе экономической деятельности

в рамках одной главы носит на первый взгляд противоречивый характер, поскольку при создании условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, неминуемо ограничение конкуренции и свободы экономической деятельности. Пределы устанавливаются как на конституционном уровне (ч. 3 ст. 55), так и на уровне отраслевого законодательства (п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ), где говорится о запрете использования права собственности с целью причинить вред другому лицу.

Учитывая, что в науке конституционного права однозначно не решен вопрос, до какой степени детализации федеральный закон должен регламентировать установление границ права собственности⁵; определять целесообразность ограничений в пределах выстроенных Конституцией РФ ориентиров, наполнять их смыслом уполномочен Конституционный Суд России, который стремится найти разумное соотношение между принципами неприкосновенности собственности, рыночной экономики, и общими интересами, принципами социального государства. Такое соотношение в деятельности отечественного органа конституционного контроля чаще всего находит выражение в развитии доктрины оптимального баланса частного и публичного интересов.

С учетом специфики конкретного дела Конституционный Суд РФ допускает ограничение прав частного либо публичного собственника: отдает предпочтение законным интересам общества, идя на уменьшение частных, либо, наоборот, ставит интересы частного лица (группы лиц) над публичными. Согласно правовым позициям высшего судебного органа конституционного контроля рыночная стоимость имущества может быть снижена вследствие такого обременения, как социальное предопределение объектов; ограничение права возможно путем возложения обязанности по сохранению целевого назначения объектов⁶.

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 91.

² Астрахань А.А. Гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 9.

³ Плухарева Л.И. Механизм гарантий прав человека // Право и жизнь. 2000. № 27. С. 90–91.

⁴ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 65.

⁵ Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. М., 2014. С. 4.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона

Так, в силу публично-правового характера объекты социального предназначения подлежат защите со стороны государства как используемые в интересах населения. Поэтому Конституционный Суд РФ интерпретировал как допустимые — ограничение права частной собственности, исключение жизненно необходимого для населения имущества из конкурсной массы при банкротстве должника и его последующую передачу муниципальным образованиям⁷. Здесь наряду с доктриной справедливого баланса частных и публичных интересов российский орган конституционного контроля выявил и конкретизировал концепцию допустимых ограничений права частной собственности, находящей практическое применение прежде всего через предоставление соразмерной компенсации. По мнению Конституционного Суда России, при определении размера такой компенсации следует руководствоваться принципом социальной справедливости, согласно которому речь должна идти не о полной компенсации, а лишь ниже рыночной стоимости, поскольку у имущества имеются обременения в виде дополнительных расходов, связанные с его содержанием, и оно не приносит доходов.

В противовес предыдущей правовой позиции в следующем решении отечественный орган конституционной юстиции поддержал добросовестного приобретателя жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, тем самым отдав предпочтение частным интересам. Противопоставление можно проследить не только в фактических обстоятельствах, устанавливаемых Конституционным судом, но и при формулировании правовых доктрин, общей целью которых является исключение возможности необоснованного ограничения конституционных прав и свобод⁸.

⁷ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС «КонсультантПлюс».

Приводимую аргументацию федеральный орган конституционного правосудия сопровождает официальным порицанием публично-правового образования в лице собственника, который не проявил при заключении сделки разумную осмотрительность, осторожность и надлежащую заботливость⁹, в связи с чем переложил на него бремя неблагоприятных последствий, запретив защищать имущественные интересы публично-правового образования, не считаясь с интересами добросовестного приобретателя — гражданина, который возмездно приобрел жилое помещение. Аналогичной позиции придерживается Европейский суд по правам человека: ответственным за любую ошибку, допущенную органом публичной власти, провозглашается государство, за его же счет должны устраняться ошибки, а не за счет заинтересованного лица¹⁰.

Следующая доктрина, формулируемая в рамках обсуждаемой концепции ограничения права собственности, — доктрина признания допустимости различий в правовом режиме частной и публичной собственности¹¹, согласно которой одобрение получила позиция применения к разным субъектам права собственности различных принципов осуществления и защиты. Так, в отношении публичного собственника допускается действие некоторых ограничений, которые, однако, не предполагаются и не допускаются в отношении граждан и юридических лиц, частных собственников¹². На данное решение наложил отпечаток один из принципов правовой идеологии, представленный в тексте Конституции, — об особой роли

⁹ Постановление от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2011 г. по делу «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации» (жалоба № 7097/10) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2006 г. № 8-П.

прав человека, их доминировании над законными интересами государства и общества (ст. 18 Конституции РФ). Недопустимость введения ограничений оправданна, на наш взгляд, в отношении не всех частных собственников, физических лиц, а лишь тех, например, для кого это единственное жилье. Возможно, неким критерием для определения того, на кого должна распространяться данная правовая позиция, может стать введенная с 1 января 2021 года дифференцированная шкала налогообложения¹³.

В жилищной сфере Конституционный Суд России в целях избежания чрезмерного и необоснованного ограничения конституционных прав и свобод справедливо выводит на первый план доктрину дифференцированного подхода при оценке жизненных ситуаций¹⁴. Данная доктрина, по нашему мнению, не только должна быть применима в сфере жилищных правоотношений, но и распространяться на все социально-экономические права.

Доктрина баланса интересов подвергается многократному истолкованию Конституционным Судом РФ, который, провозглашая доктрину баланса законных интересов кредиторов и акционеров, акционеров и менеджмента, мажоритарных акционеров, обладающих правом принудительного выкупа акций, и миноритарных акционеров, право собственности которых деформируется вследствие одобрения решения, принимаемого по управлению обществом, а также самого акционерного общества¹⁵,

расширяет границы применения права частной собственности, указанные в ст. 35 Конституции РФ. В этом случае должны соблюдаться следующие условия: 1) требуется предварительное и равноценное возмещение в случае принудительного отчуждения имущества; 2) цель должна подпадать под определение «общего блага»; 3) вмешательство в право собственности акционеров должно быть оправданно; 4) преодолеть конфликт интересов преобладающих и миноритарных акционеров возможно путем задействования эффективных правовых средств, в том числе с помощью эффективного контроля¹⁶.

Конституционный Суд РФ, исходя из невозможности переложения неблагоприятных имущественных последствий только на миноритарных акционеров, формулирует доктрину пропорционального и справедливого принудительного выкупа у них акций как слабой стороны правоотношений. Данная доктрина, по мнению суда, вписывается в основополагающую концепцию, неоднократно им провозглашаемую¹⁷: с одной стороны, формального признания юридического равенства сторон, с другой — предоставления определенных преимуществ экономически слабой и зависимой стороне. Тем не менее Суд согласился с законодателем, отдавшим предпочтение интересам преобладающего акционера, ограничивая тем самым интересы миноритарных акционеров, выстраивая четкую градацию уменьшения прав таких субъектов¹⁸.

¹³ Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 372-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 713-О-П «По жалобе гражданина Цуркина Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений

в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Там же.

¹⁷ Постановление от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П «По жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон

В следующем решении Конституционный Суд РФ в целях охраны объектов культурного наследия столкнулся с необходимостью ограничить права частного собственника, неотъемлемой обязанностью которого является сохранение объектов культурного наследия. Из материалов дела очевидно понижение стоимости земельного участка при переводе из одной категории в другую. Здесь формируется доктрина допустимости необходимых ограничений права собственности с целью обеспечения права человека на сбережение культурного исторического наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального российского народа¹⁹.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что ограничение права собственности — это общий термин, охватывающий все случаи изменения (уменьшения) содержания права собственности по сравнению с регламентированным законом, а также выстраивание границ реализации правомочий. Государство создает условия нормального развития как частной, так и публичной собственности (ст. 8 Конституции РФ), устанавливает основания и пределы ограничений (п. 3 ст. 35, п. 3 ст. 55 основ-

ного закона). Задача Конституционного Суда РФ видится в защите не только частных интересов, но и законных интересов общества и государства, правовой основой которых является норма о социальном государстве (ст. 7 Конституции РФ). Однако следует помнить, что в условиях тотального превалирования прав частного собственника сложно построить социальное государство. Ведь именно на публичного собственника возложены обязанность по социальным выплатам, обременения в виде внутреннего и внешнего долга Российской Федерации.

Одним из путей обеспечения конституционного положения о социальном государстве может быть переход от исключительно рыночной к многоукладной экономике, учитывающей равенство интересов как частного, так и публичного характера, в соответствии с положениями Конституции РФ (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Без использования элементов планово-административной методологии, учитывающей регуляторы рыночной экономики, исключается возможность обеспечения равенства всех форм собственности, и поэтому многоукладность российской экономики в среднесрочной перспективе детерминирована не только нормативно, но и законами логики. Данный вывод просматривается в решениях Конституционного Суда РФ, когда он конкретизирует соразмерность и соотношение ограничений права собственности в пользу частного либо публичного собственника.

¹⁹ «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1989. 286 с.
2. Астрахань А.А. Гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод советских граждан : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Астрахань. Москва, 1986. 25 с.
3. Глухарева Л.И. Механизм гарантий прав человека / Л.И. Глухарева // Право и жизнь. 2000. № 27. С. 81–105.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2005. 250 с.
5. Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения : монография / А.А. Саурин. Москва : Статут, 2014. 351 с.

Влияние принципа процессуальной экономии на реализацию участниками гражданского судопроизводства процессуальных прав

Артизанов Алексей Игоревич,
помощник судьи Верховного Суда Республики Марий Эл,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Марийского государственного университета
uzwer66@gmail.com

Любое судебное разбирательство характеризуется выполнением череды определенных процессуальных действий, которые имеют достаточно четкий алгоритм и последовательность. Такой порядок призван помочь суду детально изучить дело и принять законное и обоснованное решение в пользу той или иной стороны. И этот процесс так или иначе должен стремиться к рациональности. В настоящей статье проведено исследование влияния принципа процессуальной экономии на возможности лиц, участвующих в деле. Сделан вывод, что воплощение принципа процессуальной экономии в различных институтах и правилах гражданского судопроизводства должно стимулировать лиц, участвующих в деле, к активному и добросовестному поведению, направленному на достижение справедливого и своевременного разрешения дела при использовании наименьших трудовых, временных и материальных затрат.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип процессуальной экономии, лица, участвующие в деле, затягивание рассмотрения дела, злоупотребление правом, разумный срок.

The Impact of the Procedural Economy Principle on the Exercising of Procedural Rights by Parties to Civil Proceedings

Aleksey I. Artizanov
Assistant Judge of the Supreme Court of the Mari El Republic
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
of the Mari State University

Any trial is characterized by the implementation of a series of certain procedural actions that have a fairly clear algorithm and sequence. This procedure is designed to help the court to study the case in detail and make a legitimate and reasonable decision in favor of one or another party. And this process should somehow strive for rationality. In this article, the influence of the principle of procedural economy on the capabilities of persons participating in the case is studied. It is concluded that the implementation of the principle of procedural economy in various institutions and rules of civil proceedings should encourage persons participating in the case to active and conscientious behavior aimed at achieving a fair and timely resolution of the case using the least labor, time and material costs.

Keywords: civil procedure, the principle of procedural economy, persons participating in the case, consiliation procedures, abuse of the right, a reasonable time.

Как отмечал Е.В. Васьковский, хороший суд — основа государственного строя, а слаженная организация и работа суда является шедевром законодателя¹; порядок судопроизводства должен обеспечить лицу, который обратился к судебной защите своего права, быстрое и понятное ее достижение, без лишних временных затрат, как собственных, так и судебного аппарата².

Получающий все большее практическое и теоретическое значение, принцип процессуальной экономии в гражданском процессе не только направлен на рацио-

нализацию работы суда и его аппарата, но и призван обеспечить сторонам спора возможность реально защитить свое право и своевременно получить правильное решение по делу при минимальных затратах на производство по нему. По мнению А.А. Ференса-Сороцкого, судебная защита прав становится наиболее эффективной, если она происходит быстро, и процессуальную экономию он считал выражением сочетания разумного сокращения процессуальных формальностей, четкости процессуальных правил и ускорения процесса³.

¹ Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М. : Статут, 2016. С. 28–29.

² Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 95.

³ Ференс-Сороцкий А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. 1991. № 4. С. 31.

Несомненную пользу для лиц, участвующих в деле, реализация принципа процессуальной экономии находит в ряде институтов гражданского процесса, направленных на повышение оперативности судебного разбирательства.

Так, правила о подсудности дел направлены на устранение необоснованного затягивания времени рассмотрения дела. Часть 1 ст. 33 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)⁴ предусматривает правило о том, что дело, принятое с соблюдением правил подсудности, должно быть рассмотрено судом, даже если впоследствии оно станет ему неподсудно. Таким образом, законодатель закрепил механизм уклонения от возможного замедления хода дела путем перемещения его из одного суда в другой. Также если дело было принято судом с нарушением правил подсудности, то оно направляется в соответствующий суд.

В.В. Тихонович указывал, что одной из форм проявления принципа процессуальной экономии являются институты объективного соединения исковых требований, соучастия, встречного иска, третьих лиц обоих видов⁵. А, по мнению Г.Л. Осокиной, «только действием принципа процессуальной экономии можно объяснить существование в гражданском судопроизводстве и закрепление в ГПК РФ таких институтов и правил, как... участие третьих лиц»⁶.

Так, институт привлечения в процесс третьего лица хотя в целом и усложняет, и замедляет уже начавшийся процесс рассмотрения дела, но некоторое замедление в окончании дела вознаграждается сбережением времени всех участвующих в деле лиц. Процессуальное законодательство США указывает на то, что участие в деле третьего лица позволяет избежать дополнительного процесса для сторон. Такая возможность экономит время и ресурсы путем избегания дублирования анализа одних и тех же фактов и сходных

доказательств в двух разных судебных разбирательствах, что способствует достижению процессуальной экономии⁷.

Преимущества воплощения принципа процессуальной экономии наблюдаются также в возможности проведения судебных заседаний путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ). Как отмечает О.А. Рузакова, применение систем видео-конференц-связи отвечает потребностям лиц, участвующих в деле, по их доступу к правосудию, а также ускоряет совершение отдельных процессуальных действий, что безусловно экономит время и денежные средства (перелеты, переезды, гостиницы, почтовое отправление), то есть помогает разрешать проблемы с преодолением расстояний, что также экономит время и ресурсы не только суда, но и лиц, участвующих в деле, что целиком и полностью реализует принцип процессуальной экономии⁸.

Такие технологии коммуникации помогают избежать промедления процесса не только в случаях необходимости преодоления расстояний, но и, как показала нынешняя действительность, в условиях распространения различных инфекционных заболеваний.

Реализация принципа процессуальной экономии часто происходит и в правилах процесса доказывания. Так, по ходатайству лица, участвующего в деле, а также по собственной инициативе суд может истребовать доказательства, если их самостоятельное представление участниками процесса затруднительно (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ). Это не только весьма действенный механизм по пресечению замедлений процесса, но и существенная поддержка тех лиц, чьи возможности не позволяют представить то или иное доказательство, имеющее значение для создания у суда правильного представления о фактах действительности, имеющих значение для разрешения дела. Суд также имеет право дать поручение другому суду

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1975.

⁶ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 146.

⁷ Гузий Д.А. Участие в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в свете достижения процессуальной экономии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 101.

⁸ Рузакова О.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 139.

о производстве определенных процессуальных действий, например, о допросе свидетеля, находящегося в другом городе (ч. 1 ст. 62 ГПК РФ). Суду, находящемуся по месту жительства свидетеля, гораздо проще и быстрее произвести допрос, чем суду, в производстве которого находится дело. В то же время суд ограничен в своем стремлении побыстрее рассмотреть дело в процессе доказывания. При изучении и оценке доказательств, согласно нормам гражданского процессуального законодательства, суд не имеет права пропустить стадию заслушивания объяснения лиц и переходить сразу же к исследованию письменных доказательств или допросу свидетелей (ч. 1 ст. 174 ГПК РФ). Также при разрешении ходатайств стороны и другие лица, участвующие в деле, имеют возможность выразить свое мнение суду. А при допросе свидетеля ему вначале дается возможность свободного рассказа, а уже потом следует вопросно-ответная стадия (ч. 2 и 3 ст. 177 ГПК РФ). Нарушение судом этих правил ведения процесса может впоследствии повлечь отмену принятого решения вышестоящей инстанцией.

Такая диспозитивность норм не всегда играет положительную роль в контексте быстрого и качественного рассмотрения и разрешения спора. Представляемые лицам возможности в процессе доказывания, как то: заявление ходатайств, представление доказательств, ознакомление с материалами дела, нередко связаны с целью причинить вред другой стороне путем затягивания судебного разбирательства. И проблема злоупотребления правом при затягивании рассмотрения дела является краеугольным камнем для реализации принципа процессуальной экономии.

Чаще всего затягивание процесса исходит от ответчика, поскольку тем самым он пытается отсрочить исполнение обязательств, неисполнение которых послужило поводом к обращению в суд, поскольку, например, стоимость пользования имуществом или проценты по кредиту бывают выше, чем проценты за пользование чужими денежными средствами, либо в данном случае имеет место субъективный фактор перекладывания неблагоприятных последствий на будущее время. Нередко встречаются случаи, когда и сам истец заинтересован в затягивании судопроизводства, напри-

мер, с целью измотать ответчика, нарушить его нормальную хозяйственную деятельность. Лица, участвующие в деле, могут просто не явиться на процесс, при этом не сообщив суду о причине неявки. Игнорирование судебных извещений, неоднократные и немотивированные заявления сторон об отводе судьи, предъявление встречного иска (в начале судебного разбирательства и в отсутствие дополнительных доводов и возражений), заявления о фальсификации доказательств, представленных другой стороной, и т.д. — существует много способов оттянуть момент разрешения спора. И суду порой бывает сложно установить ту грань между добросовестностью и злоупотреблением процессуальными правами. Заинтересованная сторона может вовремя пресечь подобные попытки затягивания процесса, заявив соответствующее ходатайство или представив свои возражения. Суд же должен пресекать такие злоупотребления, отказывая в удовлетворении необоснованных ходатайств. Судебные разрешения — это один из важнейших инструментов достижения целей процессуальной экономии. Так, например, суд не должен удовлетворять ходатайство о вызове свидетеля, который объективно не может сообщить какую-либо важную для разрешения рассматриваемого дела информацию. Безусловно, сторонам дается право мотивировать свое ходатайство, и если суд сочтет такую мотивировку обоснованной и относимой, то ходатайство будет удовлетворено. Использование стороной по делу своих процессуальных прав не может само по себе свидетельствовать о затягивании судебного разбирательства. Суд должен понимать, что у стороны спора (возможно, даже у обеих) может быть и правомерный интерес добиться отложения слушания: например, переговоры по мировому соглашению, ожидание закрытия сделки или судебного решения по связанному спору. В данной процедуре путем судебного усмотрения воплощается в жизнь механизм предотвращения злоупотребления правом и затягивания процесса.

Как правило, судьи пресекают попытки злонамеренного затягивания, не позволяя сторонам нарушать процесс, но есть более лояльные суды, которые могут идти на поводу у сторон. В свою очередь, показавший свою эффективность механизм, проявляющийся в положениях

гражданского процессуального законодательства о разумном сроке, целиком и полностью удовлетворяет потребности добросовестных участников процесса. Предоставляя лицам, участвующим в деле, право на подачу заявления об ускорении рассмотрения дела, а также в случае игнорирования данного заявления суд гарантирует компенсацию за нарушение разумного срока судебного разбирательства.

Заявление об ускорении рассмотрения дела является инструментом по пресечению способов затягивания процесса. Данный механизм является одним из средств контроля над судьями, реализуемого председателем соответствующего суда, не только выполняя потребности лиц, участвующих в деле, но и косвенно удовлетворяя потребности суда, сокращая его трудозатраты на решение конкретного дела. В то же время суд, руководствуясь стремлением побыстрее рассмотреть дело, не должен нарушать права и законные интересы лиц, участвующих в деле, и снижать качество правосудия.

Таким образом, законодатель ставит интересы добросовестных участников процесса выше интересов государства и суда, поскольку именно правильность рассмотрения дела и его справедливое разрешение является наиважнейшей целью судебной деятельности, срок рассмотрения дела при этом — второстепенен.

Принцип процессуальной экономии, в свою очередь, настраивает лиц, участвующих в деле, а также суд на полное, рациональное и своевременное использование всех необходимых инструментов, предусмотренных процессуальным законодательством. Своевременное и рациональное рассмотрение дела невыгодно только недобросовестным участникам процесса, которые используют процессуальные правила и нормы для затягивания процесса либо для целей, не связанных с исковыми требованиями, через судебные разбирательства — получение доступа к информации и документам, причинение вреда деловой репутации и т.п. Так, принцип процессуальной экономии, пронизывая практически каждый институт гражданского процесса, соответствует интересам добросовестных участников производства по делу.

Таким образом, принцип процессуальной экономии подразумевает совместное стремление как суда, его аппарата, так и лиц, участвующих в деле, к рациональному и эффективному использованию процессуальных средств и своих процессуальных прав, а также добросовестному исполнению обязанностей в достижении справедливого и своевременного разрешения дела при использовании наименьших трудовых, временных и материальных затрат.

Литература

1. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / Е.В. Васьковский ; перевод с польского А.А. Богустов, Ю.В. Тай. Москва : Статут : Адвокатское бюро «Бартолиус», 2016. 637 с.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; с предисловием и под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 441 с.
3. Гузий Д.А. Участие в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в свете достижения процессуальной экономии / Д.А. Гузий // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 98–113.
4. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Г.Л. Осокина. 3-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. 703 с.
5. Рузакова О.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) / О.А. Рузакова // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 137–178.
6. Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Тихонович. Минск, 1975. 27 с.
7. Ференс-Сороцкий А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? / А.А. Ференс-Сороцкий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 4. С. 31–35.

Средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении судом вопроса о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство его гражданства

Федюнин Александр Александрович,
помощник судьи Московского городского суда,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
feduynin-asp@mail.ru

В настоящей статье рассматривается вопрос о средствах установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, в государство его гражданства и перспективах их совершенствования. Указанные средства доказывания имеют свою специфику, обусловленную особенностью предмета доказывания, и характерны именно для дел о передаче иностранных граждан, осужденных к лишению свободы судом Российской Федерации, в государства их гражданства. Автор приходит к мнению о том, что средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, в целях полного законодательного регулирования должны отвечать положениям Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о доказательствах, в частности нормы статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Исследование данного вопроса и его решение путем внесения изменений в часть 7 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приведет к исключению дальнейших разногласий как в судебной практике, так и в науке уголовного процесса при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в том числе вопроса о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, в государство его гражданства.

Ключевые слова: передача осужденных, иностранные граждане, исполнение приговора, уголовный процесс, доказательства, доказывание.

Means of Establishing Circumstances to be Proved in the Judicial Review of the Transfer of a Citizen of a Foreign Country Sentenced to Imprisonment by Court of the Russian Federation to Serve the Sentence to the Country of Citizenship

Aleksandr A. Fedyunin
Assistant Judge of the Moscow City Court
Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure Law Named after N.V. Radutnaya
of the Russian State University of Justice

This article discusses the issue of the means of establishing the circumstances to be proved in cases of the transfer of a foreign citizen sentenced to imprisonment by a court of the Russian Federation to the state of his citizenship and the prospects for their improvement. The indicated means of proof have their own specifics, which is due to the peculiarity of the subject of proof, which is characteristic precisely for cases of the transfer of foreign citizens sentenced to imprisonment by a court of the Russian Federation to the state of their citizenship. The author comes to the conclusion that the means of establishing the circumstances subject to proof for the purpose of full legislative regulation must comply with the provisions of the General Part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on evidence, in particular the provisions of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Research of this issue and resolution by amending Part 7 of Art. 399 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation excludes disagreements both in judicial practice and in the science of criminal procedure when considering issues related to the execution of a sentence, including the issue of transferring a foreign citizen sentenced to imprisonment by a court of the Russian Federation to the state of his citizenship

Keywords: transfer of convicts, foreign citizens, execution of the sentence, criminal procedure, evidence, proving.

Вопрос о средствах установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о передаче иностранных граждан, осужденных судом Российской Федерации к лишению свободы, в государства их гражданства, и перспективах их дальнейшего совершенствования видится нам актуальным, поскольку изменения в нормы законодательства, регулирующие передачу осужденных иностранцев, например ст. 469, 470, 471 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), последний раз внесены в 2003 г. А нормы ч. 7 ст. 399 УПК РФ, которые были введены в 2001 г. новым УПК РФ и регулируют средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по указанной категории дел, в настоящий момент применяются в их первоначальной редакции, в которой использованы спорные формулировки, порождающие в связи с этим вопросы у правоприменителя, на которые в разное время обращали внимание разные ученые-процессуалисты¹. Данные проблемы требуют их разрешения путем совершенствования правового регулирования указанного вопроса и внесения изменений в соответствующие статьи УПК РФ. Однако для начала необходимо определить, какова правовая природа средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, чем обусловлено их наличие и в чем заключается их специфика при рассмотрении и решении вопроса о передаче иностранного гражданина в государство его гражданства.

Не вдаваясь подробно в анализ сущности указанной деятельности суда, стоит отметить, что по своей сути она является правосудием, что в свое время отмечали ученые-процессуалисты² и Пленум Вер-

ховного Суда РФ в п. 2 постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», в форме судебного контроля, что непосредственно предусмотрено ст. 20 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Это обуславливает ряд особенностей, возникающих в процессе ее реализации, которые связаны прежде всего со спецификой доказывания по делам о передаче иностранного гражданина, осужденного российским судом к лишению свободы, в государство его гражданства, в ходе которой суд при реализации правообеспечительного контроля³ вступившего в законную силу приговора устанавливает наличие или отсутствие определенных обстоятельств, фактов (например, при наличии у осужденного гражданства другого государства и постоянного места проживания на территории иностранного государства), которые формируют специальный для данной категории дел предмет доказывания. Установление таких обстоятельств и фактов возможно, по нашему мнению, только при помощи определенных средств, правовая природа которых порождает некоторые споры в науке уголовного процесса.

В соответствии с ч. 7 ст. 399 УПК РФ средствами установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе по делам о передаче иностранных граждан, осужденных судом Российской Федерации к лишению свободы, в государства их гражданства являются материалы и объяснения, которые исследует суд. Понимая желание законодателя выделить в отдельную статью норму о средствах установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, по вопросам, решаемым на стадии исполнения приговора, ввиду специфики самого процесса доказывания на данной стадии, мы в то же время не можем не согласиться с мнением таких ученых-процессуалистов, как В.И. Качалов и А.С. Червоткин⁴, что данная

¹ См.: Крымов А.А. Доказывание в стадии исполнения приговора // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 196; Якубина Ю.П. О доказывании применительно к производству по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 6 (63). С. 154.

² См.: Гапонов Е.Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16; Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. 2012. № 3. С. 95; Качалов В.И. Правовая природа судебной деятельности при исполнении итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2017. № 2 (130). С. 98.

³ Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 20.

⁴ См.: Качалов В.И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 116; Червоткин А.С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 23–27.

формулировка в законе не совсем верная, и такая непоследовательность законодателя, выводящего средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при исполнении приговора, за рамки понятия доказательств, предусмотренного ч. 1 ст. 74 УПК РФ, и явная недостаточность законодательного регламентирования позволяют некоторым авторам делать вывод о том, что производство по решению вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется на основе доказательств с ограниченной допустимостью (объяснений и документов)⁵, или о том, что на стадии исполнения приговора доказывание вовсе отсутствует, а имеет место лишь установление фактов⁶. Поэтому мы придерживаемся точки зрения ученых-процессуалистов о том, что средствами установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, являются именно доказательства, так как в их структуру уже включена процессуальная форма, источник и сведения (информация) об обстоятельствах, подлежащих доказыванию⁷, а материалы являются своеобразной «платформой» для доказательств⁸. Процессуальный статус материалов никак не урегулирован в законе, также, в отличие от доказательств, к материалам законом не предъявляется требований об их относимости, допустимости, достоверности, что не позволяет говорить об обоснованности, законности и мотивированности судебного решения, вынесенного только на основании материалов.

Письменное обращение осужденного о его передаче и другие документы, представленные компетентными органами, при поступлении в суд получают внутренний номер и таким образом формируются в судебные материалы. Суду надлежит тщательно исследовать данные материалы, при необходимости проверить достовер-

ность и актуальность содержащихся в них сведений путем соответствующих процессуальных действий. В результате данных действий будут получены определенные доказательства, которые по своей сути будут являться иными документами (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) и которые будут отвечать требованиям закона об их допустимости, достоверности, законности, а в совокупности — о достаточности для формирования у суда и других участников процесса убеждения о том, что содержащиеся в соответствующем материале сведения правдивы и актуальны. Поэтому принятие судом решения о передаче или об отказе в передаче осужденного иностранного гражданина только на основании исследованных материалов, без дополнительных процессуальных действий, направленных на их проверку, будет необоснованно и незаконно, что, в свою очередь, приведет к отмене такого решения вышестоящим судом.

Например, постановлением Октябрьского районного суда г. Тамбова от 25 мая 2020 г. отказано в удовлетворении представления заместителя директора ФСИН России о передаче осужденного Ф. для отбывания наказания в Украину в связи с тем, что осужденным не возмещен гражданский иск потерпевшей по делу. Суд апелляционной инстанции, затребовавший из колонии, в которой Ф. на тот момент отбывал наказание, актуальную справку о задолженности осужденного по исполнительному листу от 6 апреля 2017 г. в пользу потерпевшей, в соответствии с которой указанная задолженность была погашена, отменил решение Октябрьского районного суда г. Тамбова, указав, что при подготовке к судебному заседанию суду первой инстанции надлежало истребовать из администрации исправительного учреждения актуальные сведения о наличии и размере исковых обязательств, не погашенных к моменту рассмотрения поступившего представления по существу, и оценить указанные сведения в совокупности с иными, имеющими значение для дела обстоятельствами⁹.

Несмотря на всю специфику процесса доказывания на стадии исполнения при-

⁵ Белоковьяльский М.С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели // Адвокат. 2013. № 7. С. 25–32.

⁶ Тулянский Д.В. Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // Законность. 2001. № 10. С. 44.

⁷ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968. С. 287; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2016. 1216 с.

⁸ Качалов В.И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России. С. 118.

⁹ См.: Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 21 июля 2021 г. по делу № 22-1045/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7PqYT3SgUVIP> (дата обращения: 12.06.2021).

говора, в том числе особый предмет доказывания и наличие характерных только для дел о передаче иностранных граждан, осужденных к лишению свободы судом России, в государства их гражданства средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, например зафиксированное в письменном виде согласие осужденного на передачу, согласие иностранного государства на принятие такого осужденного, согласие Российской Федерации на передачу осужденного, данные средства являются доказательствами и в целях более полного законодательного регулирования, как правильно отмечается в науке уголовного процесса, на них должны распространяться положения Общей части УПК РФ о доказательствах, в частности нормы ст. 74 УПК РФ¹⁰.

При этом к объяснениям, которые наравне с материалами отражены в ч. 7 ст. 399 УПК РФ как одно из средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, также нет никаких требований со стороны закона для признания их доказательством, а к лицу, которое дает эти объяснения, неприменимы положения об обязательности его явки и обязанности говорить только правду. В связи с этим, например В.В. Николук, предлагает производить именно допрос, а не отбирать объяснения¹¹. Данная позиция кажется нам весьма обоснованной, однако здесь возникают трудности, связанные со специфическим статусом некоторых лиц, которых суд может привлекать для дачи объяснений, например консулов, которые обладают дипломатическим иммунитетом.

Несмотря на то что ч. 7 ст. 399 УПК РФ предусматривает только определенные процессуальные действия (заслушивание объяснений заявителя и иных лиц, доклад представителя учреждения или органа, подавшего представление, исследование представленных материалов), которые формируют порядок рассмотрения и решения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, и в результате

которых могут быть получены доказательства при производстве по конкретному вопросу, следует не забывать еще одну особенность производств по вопросам передачи иностранных граждан, осужденных к лишению свободы судом России, в государства их гражданства — их международный характер. Соответственно, можно говорить о том, что регулирование порядка производств по таким делам, в том числе порядка формирования средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляется в том числе в соответствии с нормами ст. 453–456 УПК РФ и нормами международно-правового права, которые позволяют направить в иностранное государство запрос о правовой помощи, например о предоставлении компетентными органами иностранного государства сведений, подтверждающих наличие у осужденного постоянного места жительства на территории этого государства, или о вызове, например, свидетеля, который предоставит гарантии исполнения передаваемым осужденным иностранным гражданином обязательств по гражданскому иску.

Таким образом, при рассмотрении вопроса совершенствования правового регулирования средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство его гражданства следует отметить недостаточность регламентации указанных средств в специальных нормах УПК РФ, что приводит к необходимости обращения в случае отсутствия специальных указаний в законе как к общим положениям (часть первая УПК РФ) уголовно-процессуального закона, так и к его нормам, регламентирующим международное сотрудничество (часть пятая УПК РФ), а также международно-правовым нормам договоров и конвенций Российской Федерации. В науке уголовно-процессуального права многими учеными выдвигались предложения по совершенствованию законодательного регулирования средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, на стадии исполнения приговора, на некоторые из них мы указывали выше. На наш взгляд, для исключения дальнейших разногласий как в судебной практике, так и в науке уголовного процесса

¹⁰ Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 209.

¹¹ Николук В.В. О допустимости и необходимости допроса в стадии исполнения приговора // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова). Ч. 2. С. 107–108.

при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в том числе вопроса о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, в государство его гражданства, стоит предложить сделать норму, закрепленную в ч. 7 ст. 399 УПК РФ, отсылочной, дополнив ее следующим образом: «Судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются материалы, в том числе доказательства, представленные заявителем, учреждением или органом, подавшим представление, или запрошенные судом в соответствии с положениями настоящего Кодекса, а также положениями международного договора Российской Федерации,

международного соглашения или на основе принципа взаимности, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление».

Данное изменение, по нашему мнению, позволит ликвидировать недостаточность регламентации средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и будет способствовать единообразному правоприменению УПК РФ как в судебной практике, так единому правопониманию в науке уголовного процесса при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в том числе вопроса о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Российской Федерации к лишению свободы, в государство его гражданства.

Литература

1. Белоковьяльский М.С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели / М.С. Белоковьяльский // Адвокат. 2013. № 7. С. 25–32.
2. Гапонов Е.Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.Н. Гапонов. Москва, 2009. 28 с.
3. Качалов В.И. Правовая природа судебной деятельности при исполнении итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве / В.И. Качалов // Российское правосудие. 2017. № 2 (130). С. 93–102.
4. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : диссертация доктора юридических наук / В.И. Качалов. Москва, 2017. 492 с.
5. Качалов В.И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России : монография / В.И. Качалов. Москва : Юрлитинформ, 2017. 160 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под научной редакцией Г.И. Загорского. Москва : Проспект, 2016. 1216 с.
7. Крымов А.А. Доказывание в стадии исполнения приговора / А.А. Крымов // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 196–198.
8. Николюк В.В. О допустимости и необходимости допроса в стадии исполнения приговора / В.В. Николюк // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова) : материалы 55-х криминалистических чтений (г. Москва, 20 ноября 2014 г.). В 2 частях. Ч. 2 / редакторы : Б.Я. Гаврилов [и др.]. Москва : Академия управления МВД РФ, 2014. С. 107–108.
9. Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» / В.В. Николюк // Уголовное право. 2012. № 3. С. 93–100.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1968. 468 с.
11. Тулянский Д.В. Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? / Д.В. Тулянский // Законность. 2001. № 10. С. 43–44.
12. Червоткин А.С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора / А.С. Червоткин // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 23–27.
13. Якубина Ю.П. О доказывании применительно к производству по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / Ю.П. Якубина // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 6 (63). С. 149–156.